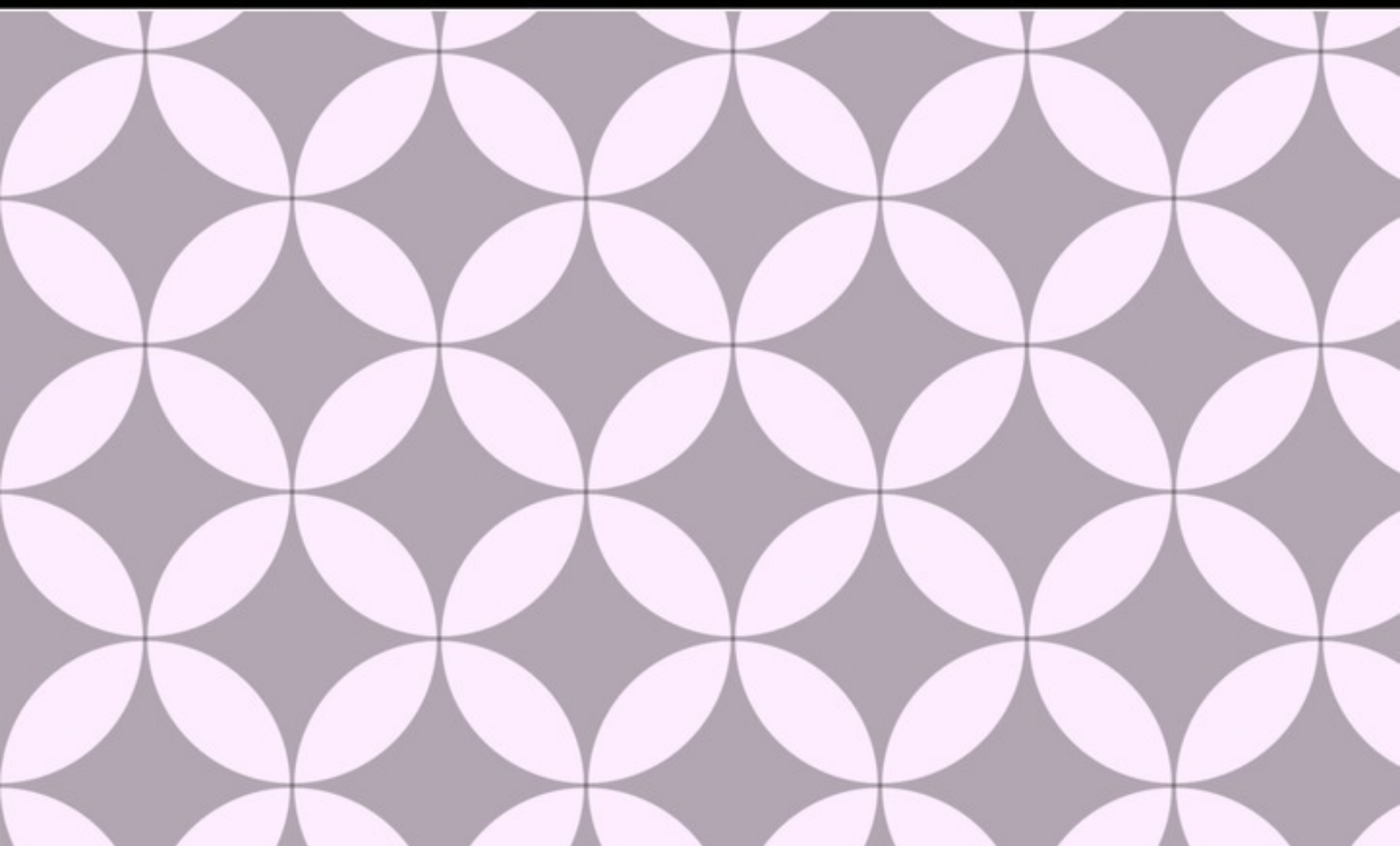

Артур Олейников

*Черный
принц*

Роман-сказка

Артур Олейников

Черный принц. Роман-сказка

«Издательские решения»

Олейников А.

Черный принц. Роман-сказка / А. Олейников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900089-7

Роман-фантазмагория. Главные герои — молодой человек, нечистая сила и великие русские писатели... Достоевский, Пушкин, Гоголь, Чехов, Лермонтов, Булгаков, Толстой, Шолохов восстают из мертвых, приходят в современны мир, совершают чудеса и устраивают приключения...

ISBN 978-5-44-900089-7

© Олейников А.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
I	6
II	9
III	12
IV	15
VI	30
VII	34
VIII	38
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Черный принц

Роман-сказка

Артур Олейников

– Неужели и вправду религия говорит, что мы все встанем из мертвых и оживем и увидим опять друг друга, и всех?

– Непременно восстанем, непременно увидим и весело, радостно расскажем друг другу, все что было.

Достоевский. «Братья Карамазовы»

© Артур Олейников, 2017

ISBN 978-5-4490-0089-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

I

Однажды на Дону во время необыкновенного заката, когда еще светло, когда ночь окончательно не вступит в свои права, но на небе забелеют звезды, на почтовую станцию одной казачьей станицы въехала карета.

Станционный смотритель посмотрел через окошко на улицу и на экипаж.

– Кого это на ночь глядя, черт принес?! – пробурчал смотритель и пошел встречать гостей.

Дверцы кареты распахнулись, и первым вышел молодой мужчина с густыми бакенбардами во фраке и цилиндре. За ним тут же показался напротив уже не молодой, но еще и не старый попутчик в сюртуке.

– Лошадей милейший, да поживей! – сказал господин, что был старше и подал дорожную.

– Свежую пару, только отпустил! – раздражительно отвечал смотритель, изучая бумагу, но вдруг рассмотрев, откуда следует карета и имя и фамилию главного пассажира добродушно улыбнулся. – Значит это и есть Пушкин?!

– Он и есть! Он самый! Так что лошади, значит будут?

– Нет, обождать все равно придется!

– О, разбойники! – шепнул в сторону попутчик Александра Сергеевича, и громко:

– Ну а самовар?

– Это, пожалуйста, это милости просим!

Этим временем Александр Сергеевич поднял голову и увидел высоко над головой крест на колокольне по соседству. Крест ярким золотом блеснул в лучах заходящего солнца и словно молнией пронзил Александра Сергеевича.

– Я сейчас, сейчас! – выкрикнул Александр Сергеевич и вдруг сорвался с места.

Весь последний час в карете он был сам не свой, а теперь с ним вообще случилось что-то необыкновенное. Он выбежал и скрылся за воротами. Попутчик в растерянности бросился следом.

– Александр Сергеевич! Да, погодите, стойте! А зачем вы идете, на этот чертов мост? На вид он совсем не надежный. Смотрите того провалитесь! И вообще места здесь лихие! Дон, разбой кругом, еще чего смотри не доброе, а я пистолет в карете оставил. Да куда, куда вас черти несут? Или кто вас там носит? Черт бы все побрал!

Кричал вдогонку Александру Сергеевичу Пушкину его попутчик отставной штаб-с капитан и бежал следом.

Александр Сергеевич, как будто и не слышал он, словно кем-то ведомый благополучно оставил мост и поспешил по извилистому переулку и повторял и повторял одни и те же слова:

– Приданье старины глубокой... Приданье старены...

– Ах, снова сочинять извольте! – вздохнул капитан и пробурчал:

– Ох, уж мне эти поэты!

И громко.

– Хорошие стихи! И главное смысл. Перед дальней дорогой, что главное выполнить? Правильно, истина! Надо исполнить приданье старины. Перекусить! Но, в самом деле, и маковой росинке с утра во рту не держали. Бог мой! Александр Сергеевич вы зачем в дом ломитесь?

– Отворите, отворите, отворите! – закричал не своим голосом Александр Сергеевич Пушкин. Он уперся в ворота, видно, что большого и богатого подворья. Потому что ворота были массивные кованые.

Александр Сергеевич был сам не свой, а тут еще в церкви по близости на колокольне ударили в колокол и петух прокричал, словно утро, какое, но вроде как был вечер.

Капитан закрестился.

– Уйдемте! Бросьте! Что-то, недоброе! А если и доброе, все равно с чертом! Вот истина, не по себе!

– Приданье! – воскликнул Александр Сергеевич.

И снова, как прежде и все так же словно не своим голосом:

– Отворите, отворите, отворите!

И во второй раз ударил колокол.

Капитан побледнел, а потом еще больше впал в какое-то отчаянье, потому что на этот раз петух вот не закукарекал. Так словно теперь только, когда истина поднимется солнце, он станет прославлять рассвет.

Пушкин бледный смотрел куда-то высь.

– Да что с вами Александр Сергеевич? Что вообще за чертовщина творится?

– Нет, то Ангелы, Ангелы, Ангелы! – с необыкновенным восторгом проговорил каждое слово Александр Сергеевич, ноги у него подкосились и он стал опускаться и если не капитан, то наверно так и повалился бы.

– Бог мой! Держитесь! – обеспокоенно сказал капитан, помогая великому поэту подняться.

– Все хорошо, хорошо! – успокоил Александр Сергеевич.

– Ну, слава Богу, а то на вас совсем лица нет. Улыбаетесь?! Силы небесные, да что происходит?

– Я видел, я чувствовал! – Александр Сергеевич улыбнулся еще шири и так счастливо так светло, что капитан не мог удержаться, чтобы не улыбнуться в ответ.

– Что являлось? – улыбался капитан.

– Да, как мимолетное виденье!

– Как Ангел или как там у вас, гений чистой красоты?

– Да, то был Ангел, а это мой долг! Теперь не страшно умереть!

– Да, что вы такое говорите?! Сто лет будете, жить! Полно, полно страстями играть. Вон, еле на ногах стоите! И раз все так срослось. Так сказать обручилось!

– Осветил!

– О! Ну пусть так. Вы поэт- народ фантастический! Не от мира сего! Вы уж меня простите, но совсем становится темно. Того гляди с вашим то воображением черт из ямы выскочит. Пойдемте ради всех святых. Там на станции, небось, уже и самовар остывает, и ужин нас не как не дождетя. Отправляемся, отправляемся, остуда восвояси.

– А собственно где мы? – спросил Александр Сергеевич так, словно отчего-то очнувшись, словно так как будто откуда-то вернулся.

– Да Бог, с вами! – испугался капитан. Опять с вами, что ли ваш поэтический приступ?! Станица Аксайская! Вот и Дон разбойничий виднеется. Вроде как тишь да благодать, а того только уха держи остро, черти водятся. Так наверно черт и зыркает. Он вас поэта издали видит! Впечатлительно уж больно вы народ! А черт....

– Не повторяйте, не повторяйте! – закричал Александр Сергеевич.

– О! Да простите раде Бога! Все рот на замок! – и капитан поднял руки. Но все, же с вами поэтами как в какой сказке! Говорю, пошли вы стоите, прошу перевести дух, вы несетесь на всех парусах! Все наоборот, все верх ногами! Где вымысел где, правда! А черт.... О! Простите! Пойдемте ну в само-то дели. Обопритесь на меня.

Александр Сергеевич улыбнулся.

– Бодритесь это хорошо! Обопритесь, обопритесь.

– Мне послали вас Ангелы!

– О! Разумеется, Ангелы, только пошлите.

– Конечно, идемте. Ха! А что, в самом деле, испугались? Это я так анекдот один разыгрывал. Свою роль читал! Вот остальные артисты отчитаются, притащится оркестр и с неба грянет главный дирижер!

Капитан икнул.

– Знаете, что Александр Сергеевич! Я разное про вас поэтов слышал. И теперь убежден!

– В чем же?

Александра Сергеевича как подменили, все как рукой сняло.

– Вас мало пороли в детстве!

– Да вы правы. Нас убивают!

– Это вы опять выражаться изволите? Поэтически так сказать.

– Если бы! Нас убивают, чтобы потом мы воскресали!

– Ну, Александр Сергеевич, скажите! А, патом еще обижаетесь, что на вас царь батюшка гневается!

– Царь батюшка говорите! Ну-ну. Действительно пойдемте. Я вас пожалею, чтобы с ума не сошли.

– Да где с вами не помешаешься! Тройка, семерка, туз! Тройка, семерка, дама! У нас после вашего сочинительства, пол полка умом тронулось! Все в Германы перекрестились. Пустились выпытывать секреты. Проматывались и вот истина сходили с ума!

Великий поэт на такие слова улыбнулся загадочно.

– Так что может, вы в тайне тоже желаете?

– Чур, меня! И не смотрите так на меня. Теперь сам убедился, что дело было не чисто. Лучше уж все Ангелы! И как вы славно проговариваете. Ангелы, Ангелы!

– И черт! – скорбно вздохнул Александр Сергеевич Пушкин, и товарищи поспешили обратно на почтовую станцию, но Александр Сергеевич еще долго с надеждой оглядывался на необыкновенное подворье и посматривал куда-то высь.

II

Ангелы, небесные чистые создания с улыбкой младенца летели над молодыми людьми и своими теплыми ласковыми дыханиями прокладывали им дорогу. Герои держались за руки. Одни Ангелы просто улыбались им с небес, а те Ангелы, что были озорниками, весело хихикали.

«Хи-хи, хи-хи! – Раздалось под ушком нашей героине по имени Ольга».

– Это ты? – улыбнулась красавица своему кавалеру.

– Пошли, – звал молодой человек и тянул вслед за собой красавицу.

– Ты мне смотри озорник! – смеялась в ответ красавица.

Ангелы слали ей благословление с небес. У Ольги были длинные золотистые волосы, и вот все ровно как солнце встает на рассвете и по земли рассыплется лучи, когда Ольга выпускала волосы, и шла по улице, у прохожего становилось светло на душе. И вот они словно золотое руно так и манили сердце нашего героя, все ровно как удалого бесстрашного Ясона. А какая у Ольги была улыбка, да такая, что сам соловей оставлял свою песню, сорвался с ветки и пускался за нашей героиней в полет, чтобы зреть и прославлять поистине небесную красоту. Она ходила ровно, да не просто и абы как, а словно парила. Ставила ножку, одну потом другую. И вот когда она отрывала свою туфельку от земли, она становилась между небом и землей. Ведь истина так и есть. Одной ножкой там, в облаках с друзьями Ангелами, а другой на грешной земле. И все так и плескалось, так и разливалось в ее необыкновенном облике. И что нам Елена прекрасная? На Дону всегда была и будет Донская казачка и свой «Ахиллес!»

И краса и характер, и мысль, вот все истина была при ней. И не где-нибудь там, что клещами не вытянешь, а вот если начнешь выкаблучиваться ее горячие казачье неподкупное сердце все, что в нем накопит, все и выложит. Потом конечно расстроится, будет грустно, вот, мол, обидела, а вдруг если больше нужного. Вот если перегнула палку. Одним словом с Дона наши герои. А на Дону испокон веку известно, что и по головушке могут гладить и рубить с горяча! И она могла быть непокорной, такой, что в рот палец не клади проглотит целиком. А собственно как иначе, с таким то женишком как наш герой? С таким-то подарочком небес, смотреть надо в оба. Где наставлять, где спесь сбить, а главное терпеть, смотреть. Поэтому выбор Ангелов пришелся в самое яблочко. Ох, оно это, яблочко.словно сама наша героиня, откушало сахарное да наливное, соблазнилась однажды красавица, и теперь умница и начеку, мол, говори, а больше змей мошенник меня проведешь, сама кому хочешь, зубы заговорить могу. Но было видно, чувствовалось, что наша героиня и сама натерпелась. Была она вот словно со шлифом печали. Нет, он не развевался, и вроде как не мешал гордо нести голову. Он таился, окаянный в сердце, незримо окутывал потаенные уголки души. Но вот если она казачка стояла, где-нибудь задумавшись, или вот провожала взглядом ласточку, то обязательно вдогонку ей слала поклон Богородице, чтобы на ее век, на ее прославленной горестями родине родилось счастье. Все от того, что окунешься в детстве с головою в Дон-Батюшку, и словно окрестили тебя. И горечь великую и волю и радость, все впитаешь с водой, которая по истине, от скорбных веков, сотворило с Доном великое, став поистине необыкновенной, все ровно, как святые воды благословенной реки Иордан. И герою нашему надо было еще Ольгу заслужить!

Но, слава Богу, и слава его небесной армии они освятили улыбками. Ангелы, Ангелы, Ангелы!

– Идем же. Не бойся, я не кусаюсь! – смеялся молодой человек и продолжал уводить вслед за собой красавицу. Это был приятный красивый молодой человек крепкого телосложения и одетый с иголочки во все модное свежее и дорогое. В нем во всем чувствовалась незаурядная мощь и сила, а когда он начинал разговор без труда проявлялся ум и характер, но был он противоречивый дерзкий с вызовом, но в тоже время с верой и любовью в сердце. Что вселяло

надежду и звало к разговору. И не окажись с нами надежды и вовсе не стоило заводить бы историю и не только нашу, а и все другие на свете.

Отец у него был армянин, мать русская. Крупный кавказский нос и открытая светлая славянская улыбка. Когда разговор заходил, каких молодой человек кровей, русские отказывались верить, что он армянин, а армяне наоборот, считали его только своим. Он любого мог заворожить, околдовать и еще черт знает что.

И звали молодого человека Артур.

– Еще бы ты меня укусил. Сама кого хочешь... – улыбнулась Ольга.

Девушка прищурилась, вглядываясь в название улиц. В лунном свете белые буквы на табличках выглядели пасмурно и скрывали свой смысл.

– Где мы, какая это улица?

– Пушкина! Александра Сергеевича, – улыбнулся Артур.

Ольга замерла.

– Ладно тебе. Не врешь?

– Как можно. Это само проведение. А в пяти минутах ходьбы, вон там возле церкви и почтовой станции даже мемориальная доска имеется. Мол, так и так, здесь останавливался Александр Сергеевич Пушкин великий русский поэт.

– Да хватит заливать. Фантазер!

– Что ты мне все не доверяешь. Говорю, висит себе доска, пылится. Однажды я даже желал ее стащить и повесить у себя над письменным столом.

– Так ты еще и вор?

Артур хитро улыбнулся

– Я могу посягнуть только на прекрасное, и то если его оставляют без должного внимания.

– Это ты на что намекаешь? На то, что я здесь с тобой потому что...

Артур не дал ей договорить.

– Потому что так желает судьба. Сколько я тебя обхаживал!

– А как ты думал?! И вообще что ты себе снова нафантазировал? Я же говорила я просто в гости.

– Хорошо как скажите моя королева, – ответил Артур и торжественно объявил:

– Пришли! Пушкина семь!

Артур, подвел Ольгу к высоким воротам, за которыми не было ничего видно.

– Это что? – изумилась красавица.

– Это стены, но отнюдь не зловещего замка. Никто тебя не запрет и драконы здесь не водятся! Здесь для нас будет долгожданный приют, для двоих. А как же иначе! Вот и Пушкин и номер семь, что значит семья, – молодой человек улыбнулся. А еще вспомни, какое сегодня число? Да правильно седьмое! Говорю тебе это судьба!

– Ты серьезно?

– Еще как. Пойдем, – и Артур по-рыцарски широко и дерзко распахнул перед Ольгой железные двери.

За воротами показалось уютно и даже где-то страшно. Большой дом стоял на широком дворе. И вдобавок оказалось, что в хоробах не было электричества, и газ был отрезан за неуплату. А ударил мороз, от чего на окнах и подоконнике была ледяная корка.

– Куда ты меня заманил? – восклицала Ольга, спотыкаясь в темных промерзших комнатах.

– Здесь где-то должны быть свечи.

– Свечи, – промурлыкала Ольга, и настроение у нее стало лучше.

И явилась Любовь! И скажите, как быть, какую подобрать краску, где отыскать такую волшебную кисть, чтобы передать, не опошлить нежность и ласку от долгожданного счастья, от страстных поцелуев, от первого прикосновения?

Собрав в доме все одеяла, влюбленные грелись, прижавшись друг другу, как котятка в холодную ночь, даря друг другу тепло, которому подвластно было растопить льды. Уже наступило позднее утро, и Ольги надо было на работу, а они словно сеамские близнецы ни как не могли разлучиться. И Ольга забросила все дела. Их все искали, но они отключили мобильные телефоны, и еще целый день и вечер провели только вдвоем. За считанные недели они по-настоящему сблизились. Открыли друг в друге так много родного и долгожданного. И им уже представилось, как кажется всем влюбленным на свете, что ни какие невзгоды не могли их разлучить, и они навечно останутся счастливы. Но прошло несколько месяцев. Наступила весна! Грянул май! И в их «раю» захозяйничали иные «Адам и Ева».

Проклятый черт этих самых людей наверно и подослал, чтобы они втянули нашего героя, в историю. А ведь действительно, так и выпрыгивает черт, так и выскакивает, мошенник! Является черт, берется черт, вырастает проклятый черт вот истина, словно из черноты. Вы сами не замечали, живешь, себе живешь, горя не знаешь, а потом черт, знает какие люди, так и влезают в твою судьбу и предлагают и предлагают, бисером рассыпаются, только лишь бы ты, поддался, лишь бы ты согласился.

III

Да любезный читатель, так оно и было. Мужчину того только представьте себе так звали Адам. Вот истина так звали. Нет, подружку его звали не Ева. Хотя... Точно черт его знает. Известно, что она представилась Настей. Но что это была правдой с уверенностью утверждать нельзя. Ни за что было нельзя вручаться! Представьте себе, они вообще были без паспортов. Но точно вам говорю, черт знает кто!

Это была еще та парочка. Они были приезжими и находились в розыске за мошенничество. Они познакомились через матушку нашего героя, женщину гостеприимную до такой степени, что Артур только и успевал выставлять из ее дома нерадивых гостей. Он сам проживал с бабушкой в квартире, а мать, в частном доме предоставленная в собственное распоряжение. И Лариса Алексеевна вот так запросто могла посреди ночи пригласить в гости прохожего, или приютить на ночь бездомного. Она была безобидна. Больна. А еще выпекала, и многие этим пользовались. И вот Адам и Настя, случайно познакомившись с ней на улице, оказались в ее доме.

И Лариса Алексеевна объявила, что пускает добрых людей пожить на квартиру.

Настя сразу не понравилась Артуру. Перебивает. Себе на уме. А еще она сразу стала вести себя в чужом доме как хозяйка и всем указывала на место. А вот Адам всегда начисто выбрит с манерами дворянина, одним словом жулик внушал хоть какое-то доверие.

Они долго присматривались к Артуру, а потом не выдержали и предложили... Черт знает что наговорили! Было такое в молодом человеке, что так приглянулось Адаму и Насте, а именно, что молодой человек мог к себе расположить с помощью внешности силача добряка и еще связи. Лариса Алексеевна рассказывала, что все ее Артура знают, многие уважают, а еще, мол, кручинный и с детства сам зарабатывает копейку. Да вообще и третье, и десятое. И когда молодой человек узнал что его новые знакомые в розыске, он им предложил перебраться в один заброшенный дом, потому что к Ларисе Алексеевне чистенько наведывался участковый. И то место, куда их перевез Артур, казалось настолько уединенным и необыкновенным. Прямо как какой рай. Дом был большой и стоял на горе. По соседству стояла церковь. Разливался Дон.

Артур любил тот дом, он принадлежал одной несчастной блаженной девушке, знакомой Ларисы Алексеевны, которая долгие годы уже находилась на лечении в психиатрической больнице. Она была одинока, ну прямо одна в целом мире, и когда случалось, что в больницу отвозили Ларису Алексеевну, Артур виделся с хозяйкой дома и обещал ей присмотреть за ее имуществом. И вот так вышло, что сегодня у нашего героя была назначена в том доме встреча с мошенниками.

Артур пришел, двери оказались заперты. Ключ он собой не брал. Он был уверен, что в доме кто-нибудь есть, тем более что они договорились. Отлучалась только Настя. На улице женщина меньше привлекает внимания, а Адам всегда оставался под замком. Так и вышло. Артур постучался, в дверь. Раздались шаги, но ему никто не открыл. Зажегся свет. И за окном осторожно на палец раздвинулась шторка, и через миг за стеклом появился Адам.

– Я один. Закрыт. Ключ есть?

– Я забыл, – ответил молодой человек и всмотрелся в компаньона.

Не смотря на то, что Адам был осторожный человек, он шел на поводу у своей женщины. Так виделось молодому человеку.

В их шайке Настя была что-то вроде разведчика. Имея довольно приятную внешность, она вечно что-то высматривала, вынюхивала, где что плохо лежит, кто, чем живет. За считанные дни она умудрилась передружиться со всей улицей и сочинить историю, что она дальняя родственница несчастной юродивой, что приехала и собирает документы, чтобы забрать ее из больницы, что они продадут дом и уедут к Насте на родину, где она будет заботиться

о несчастной. И что самое поразительное ей все верили как на духу, пускали на порог, усаживали за стол, сочувствовали. И сейчас она, скорее всего, сидела в гостях и травила свою очередную байку. Был еще третий, но тот как какой мистический герой у Гете был окутан тайной. Молодого человека с ним еще не познакомили, говорили, что всему свое время. Со слов Адама авторство всех махинаций принадлежали именно тому, кто пока оставался в тени и строил очередной хитроумный и коварный план, в котором выйдет так, что наш герой должен сыграть главную роль. А прежде все казалось невинным, наш дружок голубчик должен было всего лишь найти человека, который ему поверил бы как на духу.

И он такого нашел! И не какого-нибудь первого встречного, а такого человека, кто ему верил и любил и для которого был авторитетом. Это был скромный молодой человек, без отца. Он жил с матерью и больной парализованной бабушкой. Все его считали странным, был он программистом и, выполняя в интернете незначительные работы на заказ, зарабатывал себе на хлеб, и чтобы все было честно, оформил документы, и встал на учет в налоговой инспекции. Да он был честным, и его было легко обидеть, но ни потому, что он был размазня, а потому что доверчивый. Звали его Петя, и фамилию он носил созвучную имени Петров. И отчество Петрович. И Петрова Петра Петровича однажды покорила сила Артура. Петя ходил в тренажерный зал и занимался силовым троеборьем. Занимался отчаянно, выходило, не особо блестящи, но Петя не унывал и когда на тренировке показывался Артур, преображался и ставил условные рекорды. На каком-то подсознательном уровне Артур чувствовал, что Петя разобьется в лепешку, но поможет ему. И когда Артур обратился с просьбой, Петя готов был на все.

На счет Пети должна была прийти большая сумма денег, и ее надо было обналичить. А потом выяснилось, что мало того что надо было со счета снять деньги так еще скромный Петя Петров становился генеральным директором солидной фирмы однодневки. Адам говорил, чтобы Артур не беспокоился, подумаешь пять миллионов рублей, там у них в Москве это не деньги, а так просто семечки, ну посудачат, пооббивают пороги, и все успокоится, даже заявление в милицию никто писать не станнит. Но, что можно ждать, когда в нашу компанию так прочно вписывается черт? Где и в чем искать спасения? Может мне со своего письменного стола, взять, да как следует дать нашему герою по голове. Нет, так чтобы сильно, только, чтобы в целях просветления в мозгу, чтобы отправить голубчика в церковь, чтобы посмотрел на святые образа, подышал ладонном, послушал волнующие голоса церковного хора. Да, я бы так с удовольствием и сделал бы, послал бы ему, что ли какой волшебный сон и смотри, получилось бы хорошо. Но истина кругом и повсюду меня с моим героем подстерегали козни проклятого черта. Например когда наш герой был маленьким лет так до десяти, он в прямом смысле этого слова не вылизал из церкви. Не хорошее слово «не вылизал» в употребление дома Господа, но Артур действительно вот даже школе предпочитал небольшую городскую церковь. Он пропускал уроки и неизвестно откуда норовил в своих детских каракулях расставлять древнерусские знаки. Так этому поражалась учительница по русскому языку, что даже, как-то вызвала бабушку на разговор, мол, откуда у ребенка такие перегибы, не она ли мальчика учит? Вышло, что нет, никто не учил, бабушка все время на работе, молоденькая мать с подружками, мальчик предоставлен сам себе, неизвестно одним словом. А потом все прошло, и он стал обходить церковь стороной, словно он прежде желал, что-то там найти и вот не отыскав, как корабль ушел в свободное плаванье.

И всего сильнее наш голубок стал верить в знаки. И если и, правда, они основывались на вере, Ангелы не унывали бы. Но дело в том, что если примета казалось дурной, и по логике надо было как говориться придержать лошадей, наш герой отбрасывал страх и вот мог пойти на пролом, да вот хоть прыгнуть в омут с головой. Все переклестывала гигантская самоуверенность, что у него хватит сил преодолеть преграду, как у того Геракла у которого какое бы не было задание выходил подвиг. О чем только он думал? Даже Адам ловил себя на мысли, что не все знает об Артуре, но больше волновался почему-то за Петю.

– Петя справится, – ответил Артур. Все готово!

Адам на миг задумался и, очнувшись от мысли сказал:

– Будем ждать и если все готово встречаемся на следующей неделе! – и Адам улыбнулся. –

До встречи!

Артур от улыбки воздержался, кивнул и ушел.

И вот оно грязное дело, придет время, явится черт, выпрыгнет черт и сам все расскажет. А может, минует? Вот этот еще Адам. Да задерни ты занавеску раде Бога, и спать ложись. Нет, смотрит. Нос горбинкой, волос черный смоленой. Улыбается. Плакать надо, надует тебя!

IV

Он еще долго провожал Артура взглядам. У Адама была интуиция, он не сомневался, что у такого как Артур все получится. О том, что Артур решил всех обмануть, Адам даже подумать не мог. Ох, они эти Адамы во все времена наивные как дети. И ох, эти имена! Может действительно буква к букровке и выходит слово заветное, такое слово, что как какой ключик может открыть потаенную дверцу в душе? И вот нашего героя зовут Артур, а его возлюбленной Ольга. Вроде как ничего обычного. Но говорят, как назовешь корабль так он и поплывет. Один чудак обозвал свою лодку ковчегом, и рассказывают спас человечество. Сказка не сказка, но вот согласитесь все ровно вот так с бухты-барухты в такой грандиозной истории, да еще корабль, который принес спасение назвать первым словом, что придет на ум, не решишься. Все должно быть учтено. Значит лодку локтями Ной мерил, а название взял из головы? Да интересно.

Ох!

Ой, это кто вздыхает?

Хи-хи!

Ах, да ведь это, по-моему, сами Ангелы! Вы это или не вы? Ах, не томите!

Мы!

Наконец-то! Ах, какая сердцу сладость! Это они читатель наверно про лодку подслушали.

Ох!

Что снова, что-то не так? Не было?!

Что нам лодка хи-хи-хи,

Сердце, сердце мастери!

Все там сможешь ты сберечь,

Не об этом ведешь речь.

Небо шлет тебе привет!

Без любви спасенье нет.

Как ты лодку не зови,

Не поплыть ей без любви!

Ах, истина, истина сердце! Не окажись у Ноя доброго сердца, которое вместило бы всех, не вышло бы добро! Не знаю как вас теперь, и благодарить за слова верные.

Где наследник посмотри.

У любви он хи-хи-хи!

Верно, спасибо вам милые советчики. Вот он наследник, вижу, стоит, вздыхает, выглядывает свою Олечку. Слава Ангелам не прозевали. Давайте читатель подсмотрим только тихо, чтобы не помешать.

И вот Ольга, словно по волшебству явилась иза угла. Так желал молодой человек, как представлял, так и выходило. Вот истина так и получалось, как желало его сердце! Бог мой, что же в голову опять какая-то лезет чертовщина. Какое сегодня число? Да не наступила ли Пасха?! Надо сверить, часы! Бог мой до Пасхи считанные дни! А молодой человек, а ведьме мечтает! А если у меня вообще черт, заговорит? Черт – заговорит! Кого тогда, звать? И пока я тут соображаю, вон он голубчик, стоит, дрожит. Бог мой да он все о черте, о черте.

От неожиданности Артур вздрогнул, но уже через миг расплылся в улыбке.

– Страшное дело! – задрожал Артур. Напугала.

– И ничего не страшно. Опять ты взялся за свои жути. Не говори так. Не люблю.
Ольга поцеловала Артура.

Она была неотразима и сама госпожа стиль. Стояла теплая майская ночь и Оля была в легком невесомом светлом плаще и с черной сумочкой на изящном плече. На шеи золотистый шарф под цвет волос, на ножках белые туфельки на каблучках, все ровно, как какая волшебница, только вот не метлой и не фокусами, а словом и улыбкой могла творить чудеса с нашим птенчиком.

Артур обнял свою повелительницу.

– Ну как же не страшно? Ты прямо как Маргарита!

Ольга нахмурилась.

– Я что, по-твоему, ведьма? Еще раз так скажешь, обижусь!

– Хорошо, ты мой лучик света в темном царстве.

– Лучик?

– Спасительный факел!

– Это другой разговор. Пошли уже писатель!

Они взялись за руки, но Артуру не понравилось, как Ольга сказала последние слова.

– Я объявляю вам свой протест, – сказал Артур.

– Что еще? – и Ольга разорвала символ влюбленных и спрятала за спиной изящную ручку.

– Ты обидно сказала. Да я больше всего на свете желаю быть писателем и буду с честью носить титул своих благословенных предшественников.

– Это кого еще Булгакова что ли?

– Его в том числе!

– Твой Булгаков в аду!

– Булгаков гений и он не в аду!

– А где же ему еще быть за его-то сочинительство?

– Не правда, он истину сказал. И пусть он не заслуживает света, но и тьмы он не заслуживает. Булгаков заслуживает покой. Отчаяться, не значит предать, а его все мучают. Его не понимают. Он написал великую сказку!

– Вот видишь, сам признаешь, что сказку. А надо было про жизнь. Вот как Достоевский.

– У Достоевского тоже сказки!

– Ничего себе сказки! Не дорос ты еще, чтобы Достоевского мерить. Чертенюк, выскочка!

Молодой человек, вот действительно, может и дорос, может все скрывает, но все не как не может смириться с чем-то. Черт его знаете. Он весь потемнел, у него сделалась такое ощущение, что его обдали помоями.

Ольга говорила не со зла, она просто так считала, как собственно многие, что Булгаков ересь, что Булгаков черт знает, что, а Достоевский, только один право и имеет.

– Я ухожу, – бросил молодой человек. – Что-то мне перехотелось веселиться!

И он уверенно зашагал прочь.

– Стой! – выкрикнула Ольга. Говорят, остановись. Мальчишка!

Артур повернулся и сердито посмотрел на Ольгу.

– Смотри, сейчас лопнешь от злости! – весело и шутливо улыбнулась Ольга. – Король Артур, обидели его величество.

– Да я буду королем, – выпалил Артур, но было видно, что он уже не злился, Ольга всегда умела исправить положение вот умным словом. К словам Артур относился с трепетом, и Ольга это знала. Ольга всегда считала и верила, что ум, если он есть, всегда возьмет верх над глупостью. При всей своей горячности и гордости, Артур был не дурак и Ольга этим всегда умело пользовалась.

– Буди, буди! Так тебе приятней слышать, ты же у меня умный понимаешь. Но ведешь себя как мальчик.

Артур улыбнулся.

– Мне понравилось, как ты сказала.

– Еще бы тебе не понравилось.

– Понравилось, но мне не в чем каяться!

– Всем есть в чем покаяться. Или что ты думаешь безгрешен? Ах да, я забыла ты, же у нас будешь королем. Но и короли должны уметь признавать свои ошибки. Любого это украшает, тем более короля. Или может, ты желаешь быть царем, а не королем? – серьезно спросила Ольга.

– Поживем, увидим. Если не стану королем литературы, сделаюсь царем. Ради любви к тебе моя королева, я вас сделаю царицей! – и Артур раскланялся.

– Доиграетесь, ваше величество. Запомнили, что царь может быть только один, небесный. Смотрите, получите от меня по шеи!

Артур хотел было что, сказать, но Ольга его опередила.

– Мне как твоей королеве, дозволяется! Или ты уже завел себе на стороне фаворитку? Смотри, не потерплю. Отравлю обоих! – топнула ногой казачка.

Артур улыбнулся.

– Мне нравится, когда такая!

– Какая?

– Необыкновенная! Такая, какая должна быть настоящая королева!

– Смотри, растешь прямо на глазах. За что так и быть я вас милую и свой гнев меняю на святейшую милость, на поцелуй.

– В засос?

– Вы хам ваше величество, я с вами не разговариваю! – Ольга отвернулась в знак страшной обиды.

Артур бросился ее обнимать.

– Прости, каюсь, увлекся. Другими словами страшное дело.

– Я просила, чтобы ты так не говорил. Накликаешь беду, тем более, накануне. Как прошла встреча? Все нормально?

– Все хорошо. Совсем уже скоро.

Ольга повернулась и обняла Артура.

– Прошу будь осторожен. Я места себе не нахожу.

– Хочешь, я откажусь? Одно только ваше слова моя королева!

– Решай сам ты же у нас король. И потом ты лукавишь, ты и без меня все решил. Ты авантюрист Артур.

– Ты права, и потом настоящий писатель должен все испытывать на собственной шкуре. А я хочу быть настоящим писателем. И я им стану!

Ольга вздохнула.

– Да что ты себе голову вбил, писатель, писатель. В первую очередь главное быть человеком, а потом уже кем угодно. Все остальное неважно. В тебе есть хорошее и плохо. Не обижайся никто не без греха, только надо знать меру, ты ее порой забываешь, остуда все твои беды.

Артур улыбнулся.

– Но если что, ты же, меня спасешь?

– Кто бы спас меня! – сказала Оля и даже на миг куда-то пропала.

– Тебя спасет твой король, – улыбнулся Артур.

Они стали целоваться.

Ольга улыбнулась и проговорила с интригой в голосе:

– Пошли к тебе, не хочу в ресторан.

Артур улыбнулся:

– Шампанское брать?

– Ты еще спрашиваешь?! Причем самое лучшее.
– На самое лучшее денег не хватит.
– Тогда бери, на которое хватит. Пока мы не зажили, как короли будем вести себя скромно. И потом у королей главное не вино, а десерт, который вам ваше величество, если будите себя хорошо вести обеспечен.
– Все побежали за вином, хочу десерта!
– Страшное дело, – улыбнулась Ольга.
Артур раскрыл рот.
– Мне можно, я же твоя королева!
– Грешная королева, улыбнулся Артур.
Они еще раз поцеловались и взволнованные поспешили за шампанским.
Королевский пир приятно затянулся. Десерт был отменным! Уставшие, но счастливые молодые люди голиком сидели на кровати, закрывшись в комнате.
Ольга была пьяна. Артур, улыбался высокой красивой девичьей груди.
– Вы бесстыдник ваше величество, – сказала Ольга. Дай я прикроюсь!
– Еще чего не хватало, – серьезно ответил Артур. – Лишать монарха удовольствия. Признайся, ведь тебе самой нравится, как я на тебя смотрю?
– Предположим, – улыбнулась Ольга.
Артур поднялся с постели.
– Ваша улыбка королева, когда вы в платье Евы не отразима, – и Артур раскланялся.
– Да я красивая! – Ольга вскочила на кровать и стала прыгать, а с ней пустилась вскачь и ее прекрасная грудь. – Лови меня! – выкрикнула Ольга и как в омут с головой бросилась в объятия своего короля

V

Проводив Ольгу, обратно домой Артур вернулся к себе и счастливый уснул и когда его спозаранку поднял телефонный звонок, он не на шутку всполошился. Покой улетучился! Его разбирало предчувствие перемен. И он подумал: «Началось!» Но так скоро и без предупреждения? Ведь планировалось только на следующей неделе. Но какие к черту объявления. Да черт не церемонится, если является черт, его давно уже звали, вы просто об этом забыли и вот дела черта напомнить, но так чтобы все верх дном, так чтобы все валилось из рук и земля из-под ног. Подобные дела выскакивают, словно из-под земли. А это было такое дело, не чистое. Да сами послушайте, вот же черт, вот. Вот черт скалится, и крадется на цыпочках. Вот он виляет своим поганым хвостом, вот он вроде как кланяется. Кланяется?! Черт! Держите карман шире, это чтобы ввезти в заблуждение, это чтобы его приняли за простачка. А ведь черт не так прост, как кажется. Кажется, крестись, когда, кажется. Глазом не успеешь моргнуть, черт будет тут как тут. Да он уже здесь, да он и не куда не девался. И чертит и чертит и чертит. Черт, черт, черт. Манит, зовет, за черту, черт, черт, черт.

«А-а-а-а! Гм.. Хр.. Бом... У-у-у-у!» Раздалось у меня в ушах и как все закружилось и полетело. Сутул мой, ожил и словно дикий конь чуть не сбросил с себя».

– Хе-хе-хе-хе! Некого я не зову. Сами проситесь! Сам звал, сам повторял и сам же удивляется. Вот, автор пошел!

– Не верю собственным ушам. Черт? Черт собственной персоны?

– А как же!

– Так ведь это я так....

– Это вот так: черт, черт, черт. Забыл автор, что помяни черта он и появится! Каким ты местом хе-хе, Пушкина слушал? Все, хе-хе в облаках автор летаешь! Вот я и явился напомнить, что пора на грешную землю возвращаться! Сказочку, хе-хе развел! Будет тебе сказочка! Я вам

такое хе-хе устрой! Будьте автор так любезны, напомните читателю еще раз. Вот как только, вы и умеете. Мне так нравится, когда, черт, черт, черт.

– Отстань, не буду!

– Раньше надо было думать. Вроде как мы с тобой автор не чужие!

– Ни друг ты мне! Замолчи, исчезни проклятый. У, ненавижу! Не стану я тебя объявлять!

– Не станете?!

– Сказал, не буду!

– Подумаешь, не станет он. Сам буду, сам стану, черт, черт, черт! Приятно читатель познакомиться. Черт, черт, черт! В сказке, сказке, сказке! Да ведь все на иву! О, наследник пошел! Наследник, наследник, наследник. Черт, черт, черт с тобой!

– Ах, проклятый черт, в ком же теперь искать спасение?

– В ком в ком. Только есле в Гоголе! Но как собственно, он к тебе прилетит? Только если на панночке. Хе-хе! Так извините, он же ее уморил!

– Вы все изволите шутить? – раздался голос.

Я замер. Вдруг что-то треснуло, а потом три раза хлопнуло в ладоши, и комната утонуло во тьме, но лишь на мгновенье. Тут же на потолке загорелись звезды, и засеял полумесяц, осветившей комнату.

– Что не ожидали?! – сказал Николай Васильевич Гоголь проклятому черту и улыбнулся мне. Он сидел со мной рядом, удобно расположившись, на диване. Во фраке необыкновенного цвета, такого которого может, и не было на само деле, а теперь есть с отливом с пламенем и с искрой, прямо как у его знаменитого героя. Сидит нога за ногу, с хитрецей во взгляде. Одним словом волшебник.

– Все, прикусили язык?

– Да, что здесь говорить! О, сказочники! Но, ничего, я до вас все ровно доберусь. Как собственно во все времена. Хе-хе! Помните, как я вас Николай Васильевич до припадков доводил. А кончили чем, я вас спрашиваю? Трепите сколько угодно. За перо возьметесь, я тут как тут и явлюсь. А пока умываю руки, как Пилат! Хе-хе. Видит небо я не причем! Привет Михаилу Афанасиевичу! Как я понимаю, придет время и он проявится. О, автор фантазер! Ну-ну, мне же будет легче героя сума свести, а заодно еще одного автора!

– Не позволим!

– О, это мы еще посмотрим. До скорого автор свидания! Я на вас автор очень рассчитываю хоть вы и на сторону перебежали, к Ангелам подались!

– Скройся!

И раздался звук как от лопнувшего шара, и черт провалился. Но к сожаленью и скорее всего, только, пожалуй, на короткое время. Но сейчас нам некогда думать про это. Николай Васильевич поднялся на ноги и по-дружески положил мне руку на плече. А значит и вас любезный читатель великий гений зовет вместе собой в приключение. Так вперед же, заведем благословенный разговор.

– А что вы скажите, на то чтобы прогуляться? Как оно говориться проветрить голову. Пока ваш герой занят мыслью, что ему дальше делать.

– С удовольствием!

И я растерялся.

– Куда собственно отправляться?

Николай Васильевич улыбнулся.

– Что же у вас нет своего Невского проспекта? В любом городе России имеется свой Невский!

Я не выдержал и хихикнул.

– Да он называется Проспект Ленина!

Николай Васильевич улыбнулся:

– Извольте острить? Это хорошо! Но собирайтесь же. Не все так дурно как кажется, нас ждет карета.

– Карета! – изумился я.

Николай Васильевич снова улыбнулся.

– Да вы еще совсем мальчик, – счастливо сказал Николай Васильевич.

Я где-то в глубине души обиделся, оттого что это так обрадовало моего необыкновенного гостя. Но это длилась всего лишь миг.

– Не расстраивайтесь. Я вам завидую мой друг!

– От того что не зрел?

– Я не говорил, что вы слепы.

– Нет?

– Именно. Вы не утратили способность изумляться и верить в чудеса. А значит пока еще живете! И так с каждым кто верит и надеется.

– А как же вы? Вы разуверились?

– Я, – произнес Николай Васильевич и опустил голову. И когда он поднял глаза, на меня из сердца гения хлынула волна грусти. – Сейчас это уже не важно, главное, что теперь я верю в вас.

– Да, кто я такой? – вздохнул я. – Фантазер!

– Вот именно, что надежда, – улыбнулся мой драгоценный гость. – Собирайтесь же.

Я надел свой лучший костюм и мы вышли.

Было раннее утро. И это была так хорошо, потому что казалась, что весь город принадлежит только нам с Николаем Васильевичем.

Я улыбнулся блестящей карете и тройке вороных.

– Всегда мечтал, – не выдержал я.

– Известно! Но собственно чему удивляться ведь вы это я и наоборот.

– Как это?

– Бросьте это так просто. Давайте отправляться.

Мы сели в карету и словно полетели. По гладкому асфальту колеса кареты несли, словно конек на льду. Жалко только что это была не открытая прогулочная коляска, так чтобы ветер обдувал голову и развеивал волосы. Но я набрался наглости и высунул голову в окошко.

О, какой же восторг! Сердце мое затрепетало в груди.

Мы выехали на проспект, сделали круг, потом другой и оставили карету, и пошли прогуливаться пешком.

– Вы позволите? – сказал Николай Васильевич и на манер девятнадцатого взял меня под руку.

– Вмешался черт! Что вы решили? – тревожно спросил Николай Васильевич Гоголь.

– Но этого же, было не избежать, – ответил я.

– Намерены ли вы продолжать? – серьезно и решительно спросил Николай Васильевич.

– Я за это взялся, чтобы только продолжалось!

– Мы в вас не ошиблись. Я желаю жать вам руку!

– Это честь для меня! Но кто я без вас всех? О, если б вы когда-то не явились бы. Ваши труды!

– Все это не имеет значения, – твердо сказал великий писатель. Были бы другие и под другими фамилией. Если вы носите фамилию Достоевский, это еще назначит, что вы тот самый Федор Михайлович, считающий, что если вы потратили жизнь, на то чтобы постичь природу человеческой души, вы не зря прожили отведенное Богом время! Даже если у вас и не удалось, важно пробовать, первоначально не оставаться безучастным, главное чтобы не прерывался благословенный разговор. Мы все станем вам помогать. Вы в силах призвать любого из нас. Да мы и сами явимся, когда это только станет необходимо. Вы главное не отчаивайтесь.

Не повторяйте мой опыт. А однажды отчаялся, так отчаялся, что все отправил в пламя, посчитав, что это все никому не надо, но еще у меня не было ключа. Или нет истина в том, что я так и не сумел подвести своего героя к главному. Но как собственно он бы у меня отрекся бы от черта и раскаялся бы. Ведь истина в моей поэме есть все кроме самого главного, через что собственно только и возможен путь к спасенью. А мой Чичиков никого не любил кроме копейки! У вас же. У вас есть ключ. И этот любовь! Верти это действительно нужно. Не сомневайтесь и еще раз не отчаивайтесь, как бы ни становилось тяжело, и какие черт не строил бы козни. Но Что дальше? Герою надо отправляться в путь, а он совсем издержался.

– Да вы совершенно правы Николай Васильевич. Денег у Артура после вчерашнего не осталось даже на общественный транспорт. А надо было встречать москвичей. И оставалось только одно, о чем мечтал паршивый черт. Ах, что же я наделал, кого ненароком пригласил в историю. Хоть и не как без проклятого черта не обойтись, но все же, надо было как-то постараться оттянуть неприятную встречу. Теперь жди одни неприятности. И вот сейчас мой герой сам начнет вязнуть, так еще кого-нибудь втянет.

Артур и сам понимал, что друзья в подобных делах вещь опасная, как говорится палка о двух концах. Сложится, замечательно, все счастливы, а если нет. Да вот если шиворот-навыворот. Подставит черт подножку и дружбе может прийти конец и тот, кто только недавно был готов за тебя и в огонь и в воду навсегда отвернется или того лучше сделается злейшим врагом.

«А где, он этот черт? Куда делся? – спросит кто-нибудь. Недавно еще даже как разговаривал. А вот стоит за вашей спиной читатель. Прямо сейчас! Разумеется и только так! Читает вместе снами роман, или нет, прошу прощения, творит. Вы что же, в самом деле, не слышите? Только не оборачивайтесь, не оборачивайтесь, не смотреть на черта, не при каких обстоятельствах. Вот он как петух встрепенулся, и слышите, захрустел косточками. Ах, противно как! И пригладил свой хвост для форса. Он так всегда проделывает, когда принимается за свою черную работенку. А как же охота к Ангелам на небеса. Да, верхом на какое-нибудь облако. Улыбнуться божественным чистым созданиям. А какие у них кудряшки, так и завиваются, а глаза такие добрые такие светлые так бы и смотрел не отрываясь. Ах, они бы взяли меня за руки, да расправили крылья и понесли и понесли к Господу в гости на чай. Ах, а какой у Бога чай и все с медом. А мед, какой? Ах, какой у Господа нашего мед! Сто сортов и на любой вкус. Вот желает душа веселиться, пожалуйста, откушай медка с поля разноцветного. А почему разноцветного? От цветов полевых, от тех, что все скверное и дурное вон из сердца. Проглотил такого меда ложечку и забылся от счастья. Но есть ли что черное на облаках, среди Ангелов? Там где рукою подать, до чаепития с Господом. Но, черт, проклятый черт, вцепился в меня. Вот он тащит меня за ногу, долой с облаков, опять на грешную землю. Туда, туда, где и чай не чай и мед не мед, так всего лишь одно название. Отстань, прошу, но что тебе еще от меня проклятый черт надо? Ах да, повествованья. Желает, чтобы исповедался. Да, пожалуйста, но только не тебе проклятый черт, не тебе гадкий черт, я вон для людей рассказываю.

Ах, Ангелы, вы мои верные друзья стряхните своими белыми крыльями с меня эту гадость, да усадите меня на облако, чтобы писать мне между небом и землей. И музыки. Скрипок! Чтобы ласково, а где, если положено, чтобы сердце плакало. Плачь сердце, рыдай. Слезы, ах милые попутчики, поплачешь и, правда, все легчи. Вся горечь из сердца долой. И главное силы, чтобы с проклятым чертом встречаться. И тогда можно снова за труд.

Но что ты там притих в уголке мой черный надзиратель, представленный ко мне судьбой. Давай доставай свой бич из коварства и обмана, да ударь меня хорошенько и дальше отправимся в путь. Да бей же бей, не жалея. Я был под стать тебе и прежде считал все твои пытки сахарными и все от того, что мучил сам. Но что же, не бьешь, что голову повесил? Не по себе тебе стало со мной, когда я все твои приемы раскрыл? А помнишь, как прежде было весело? Улыбаешься, смотрю, значит помнишь. Действительно как такое забудешь. Да не смейся, живот надорвешь. Куда я потом без тебя?! Как писать про грехи стану? Да не про-

тягивай мне руки. Не стану жать. И без того мы с тобой хорошо знакомы, так страшно, что когда увлекаюсь родная мать меня от тебя не отличит. Так что, давай без церемоний. Если уж ты меня с облаков стащил, станем продолжать, я дальше рассказывать, а ты как тебе и положено между слов скакать и своим поганым хвостом все ровно как пером свои черные делишки вписывать. Ведь так черт и тащит в омут с головой, да стравливает, да стягивает, вот истина лучших друзей!»

И Артур позвонил, пожалуй, своему единственному настоящему другу. Они были выпускниками одного знаменитого донского интерната, куда оба попали вроде как иза неуспеваемости, но скорее, потому что у обоих не было по-настоящему отцов. У Нечаева Виталика отчим дальнобойщик на долгие недели пропадал из семьи по командировкам и воспитанием пасынка не занимался. А у Артура отцы были все больше проходящими.

Они были, как братья и когда жили в интернате, даже спали ребята рядом койка койки, а когда случилось, что их классы соединили, подростками учились вместе. Все у них всегда было напополам, даже первая любовь. Победителем как водилось, вышел Артур, но и это не смогло их разлучить, казалось, что и нет такого на свете, что может разрушить их дружбу. Про таких говорят не разлей вода. Они были полная противоположность друг другу да такой степени не похожи как вода и камень. Артур для Нечаева был непререкаемым авторитетом и примером во всем. Виталик мягкий и податливый никогда слова поперек Артуру не скажет. И как бы все время оставался в тени. Знаете, Виталик был у Артура все ровно как тот верный оруженосец у рыцаря и если что благородный муж и накормит своего товарища и защитит. Даже в школьном театре, где они оба блистали Артуру всегда выпадала играть королей, а Виталику всяких недотеп. С самого первого знакомства Артур взял шефство над высоким худым пареньком, который подростком был по большей части размазня. Не постоять за себя не девушке сказать комплемент. Они выросли, Виталик во многом изменился, стал уверенный в себе, превратился в ловеласа и женился. Но, как и Артур успел развестись и как друг также недавно влюбился и летал в облаках. Если только присмотреться у друзей всегда все было как под копирку даже сводные братья одного возраста. Но сколько бы, ни проходило времени чего бы в жизни, ни добивался Виталик, стоило им только встретиться, один для всех представлял рыцарем в блистающих доспехах, а другой навечно прописался в оруженосцах. Но не в слугах, а в друзьях. И еще две недели назад Артур не выдержал и проговорился. Виталик был сам не свой, умалаял, взять его с собой. Виталик мечтал о новой машине, потому что у него была совсем старая «Волга» и так хотелось пусть и не шикарный, но хоть, сколько-нибудь сносный автомобиль. Пронесется века, а конь пусть и стальной продолжает кружить головы мужчинам. И это вечное и знаменитое принц на белом коне. Ни что неизменно, только, кажется. И из грязи в князи, так ловко скачут современники, что не день так навоя коронованная особа.

Виталик работал на стройке и когда позвонил друг, он был на работе, заливал для дома фундамент. Но стоило только Артуру позвать, он бросил все дела. Подумаешь фундамент, подождет, куй железо пока горячо ты сам строитель своего счастья. Виталик знал, что Артур по-царски щедрый и если все получится, а у Артура всегда все выходило, он купит ему новую машину. А черту только это и подавай. Все завертелось. Черт потирал грязные ладони, и наверно нашептывал проклятый, что теперь посмотрим, какие вы друзья товарищи!

Дождаясь друга, Артур нервно ходил по квартире. Нужно было деньги, но хоть, сколько-нибудь, хоть пару тысяч. А черт наверно где-то по близости сидел в одном из углов комнаты и смотрел и дышал на нашего Артура, чтобы он соображал, где взять денег.

– Стоп! Какой же я дурак! – шлепнул себя полбу Артур и черт наверно с облегчением выдохнул. – Бабушкина пенсия! – громко вслух сказал Артур. – Там в заварнике за иконой Николая Чудотворца. Я верну, обязательно положу на место. Они там пыль собирают, а мне нужны, – решил Артур уверенно зашагал в спальню бабушке.

Зинаида Яковлевна, была на работе. В этом году у нее был юбилей семьдесят лет, но она словно проклятая таскала свои больные ноги на местный рынок, где в мороз и стужу зарабатывала на кусок хлеба для своего любимого внука, словно он и правда был какой наследный принц. Вообще дорогой читатель это была престранная, пожалуй, даже необыкновенная семья. Случались времена, что на их голову свались целые богатства, но они как приходили, так и куда-то провалились. Многие соседи им завидовали. Прежде дядюшка Артура пока не погорел на одном уголовном деле, был богат и тоже знаменитость. Но в квартире его матери давно не делался ремонт, мебель была старая. Дед Артура Алексей Прокопович одно время был тоже богач, но променял жену и детей на смазливую пигалицу.

Сам Артур, когда вырос, случалось, что хорошо зарабатывал, его всегда приглашали успешные друзья принять участие в бизнесе. Было у Артура хватка, но самое главное дар нравиться и располагать. Но некогда Артур особо не о чем не заботился, и состарившаяся женщина продолжала его кормить. Если и мог подкинуть кому денег, так это только матери и то если у него было в кармане, десять тысяч, Артур давал сто рублей. Но вот опять парадокс, вроде с одной стороны скупой, а нет на веселье Артур действительно все ровно как какой принц мог потратить последнюю копейку, или вот мог занять товарищу большую сумму денег и не попросить обратно. И все считали его щедрым, и некому в голову не приходило, какая в доме его бабке разруха и в доме родной матери в котором даже стеклышко в окнах не было. Вот в прямом смысле этого слова в доме матери Артура, Ларисы Алексеевны не было не одного целого стекла и рамы были затянута пленкой. Неважно, что Лариса Алексеевна в приступе лопатой расколотила все окна, любопытно то, что окна так и продолжали оставаться разгромлены. Артур все откладывал на потом, или вообще забыл. Но, ни потому что был негодяем, а вот считал, что и так пойдет, что это не первостепенно. Вот, например, отправится в казино и всю ночь напролет стоять за рулеткой сначала выиграть, а потом с легкостью короля спустить годовую зарплату среднестатистического гражданина, это в порядке вещей, а вставить стекла матери, да черт его знает. Действительно, черт только и знал, откуда и из чего такие как наш герой берутся. Но опять загадка стоило только матери оказаться в беде и в очередной раз загреметь в больницу, Артур по первому сигналу ехал к ней, тратился на богатые передачи и забирал мать, как только она шла на поправку, когда мог прописать ее в сумасшедшем доме навечно. Упечь бедную женщину и продать материн дом, а деньги прокутить. Но этого Артур некогда не сделал бы и вообще никогда не стеснялся своей матери, даже когда Лариса Алексеевна стояла под церковью с протянутой рукой. Да, мать побиралась, а ее сын в это же время мог спускать деньги в казино, а родной брат катить по улицам города на шикарном и дорогом автомобиле. А какие взаимоотношения у Ларисы Алексеевны были с младшим сыном Александром, сводным братом Артура это друзья вообще вот точно черт подстроил. Или нет причём тут черт. Да черт гадость, но истина проклятья мы творим лично. Будут силы, расскажу все подробно. Да если и не останется все ровно придется, все одной веревкой связаны. Обозвался писателям – пиши, открывай все до последнего слова, а иначе хорошо, что вы просто заблуждаетесь, вы трус. А ведь известно ничего нет страшней на свете трусости. Взяли исповедаться, так до конца, а что есть писательский труд не иначе как исповедь. Исповедь длиною в жизнь.

Да это была странная семья, словно какое тридцатое королевство. И когда кто-нибудь оказывался в их доме, только диву давался, да что там удивленье с некоторыми случался шок, все такие начитанные и интеллигентные, разодеты как короли с иголки и по моде, а в доме элементарно полы немыты. Поэтому Артур не любил приглашать к себе домой, и когда Ольга первый раз оказалась у него в гостях она была поражена. Она думала у них палаты белокаменные, так Артур швырялся деньгами и высоко держал голову. Ольга промолчала, но поняла, что с их семьей что-то, ни так.

Артур открыл дверь в спальню бабушки и подошел к полке, где стояла икона Николая Угодника и замер. Чудотворец заглянул ему в глаза. На мгновения Артуру сделалось совестно, и сердце уколола неприятная мысль.

– Я верну. Не смотри! – вслух сказал Артур.

Но тут, же отбросил в сторону стыд.

– Заблужденье, – подумал Артур и быстро достал спрятанные за иконой деньги.

Скоро, должен был приехать Виталик, Артур поспешил собираться.

У Артура был дорогой белый костюм, но Артур его не стал одевать и остановился, на вельветовых брюках и кремовом тонком свитере. Дело в том, что по договоренности, Артур должен был изображать менеджера по продажам. Но не просто мальчика на побегушках предстояла сыграть Артуру, а вроде как он должен был соответствовать статусу правой руки генерального директора. Какая-то интуиция подсказала Артуру, что костюм здесь не уместен, что ему нужно предстать таким хватким пробивным дельцом мастером на все руки. Костюм он решил, что только будет его сковывать. Что-то подсказывала Артуру, что ему предстоит сыграть главную партию в предстоящей афере, а для этого нужна была дерзость и легкость, от того брюки со свитером.

Видно, что спектакли в школьном театре не прошли даром для обоих друзей, Виталик тоже под стать Артуру примерил на себя костюмчик под стать отведенной роли. Нечаев был грязный как трубочист в рваных штанах и несвежей рубашке, одним словом работяга, которому выпала халтура поработать пару дней таксистом. Так случайно остановили на дороге, предложили заработать повозить по адресам. Он и согласился, копейка некогда лишней не бывает. Такая была Виталика легенда. История, была у каждого своя, чтобы если дойдет до милиции, все пели под одну дудку, что, мол, не причем. Мол, мимо проходил, в крайнем случае, стоял рядом, да слышал что-то, но что черт его знает, про что шел разговор. Как так? А так! Слушал потому, что у меня уши на голове растут, а не по тому, что я хотел слышать, о чем разговаривали. И так далее и тому прочее, если, что все дружно клянемся сердцем матери, ну помните, как в дет саду, не помогает, не признают идиотами, делаем упор на бесчинства и милицейский произвол. Главное, не при каких обстоятельствах не сознаваться прямо как черт.

Ай! А ведь истина, что не притвориться герою без черного дружочка, а будьте уверены, черт знает, что шепнуть на ухо.

Артур рассмеялся, когда увидел своего друга.

Виталик высокий и худой молодой человек улыбнулся.

– Главное из образа выйти! – сказал Артур. Как говорил Вицын гениально сыграть это только полдела, главное суметь вернуться обратно. Не сойти с ума!

– Не сойду!

Артур, вздыхая, посмотрел на гнилую «Волгу», на которой приехал Нечаев.

– Карета, у нас еще та!

Грусть незамедлительно передалась Виталику, но Артур взбодрил своего напарника.

– Купим новую. Какую желаете вместо вашей «Антилопы гну»? Со временем, нам повезло больше чем великому комбинатору!

– Любую только, чтобы не эта развалина.

– Не надо так! – поднял руку Артур. Ей еще предстоит нам послужить. Ведь она у нас дама! Обидится, что будем делать? Так, что не будем при ней о ее почтенном возрасте.

Артур стал садиться в машину.

– И потом это символично. У моего дедушки и дядюшки в свое время, когда они только начинали, так сказать водить дружбу с чертом у обеих были волги! Птицы!

И Артур крикнул от какого-то прямо черного удовольствия. А может это не он вовсе?

– Да полно автор вздыхать! И вообще понимаешь, нахвтался у Гоголя. Мол, стащил я вас уважаемый автор с облаков. И не просто, а за ножку. О, развел, понимаешь поэму! Мертвые души хе-хе! Все завязывай, укатил твой Гоголь в карете, да так я понимаю, что читатель и глазом не успел моргнуть. А «Волга» то голубчику нашему приданое! Как сказано: просите хе-хе и дано будет вам! И отворят хе-хе вам.

– Ах, да что ты такое говоришь?! Как у тебя только язык поворачивается?! Где у тебя права черт негодник святые слова коверкать? О проклятый!

– Ой, подумаешь. Может я тоже для чего-то необыкновенного был сотворен? Поэтому мне можно, в особых случаях!

– Черту?!

– Вот именно. Ведь истина, все непросто. Ой, разожгу!

Ах, ведь истина приключится пожар. Так и вспыхнет, так и пойдет ужас гулять и горя сеять. И вот уже как уши не закрывай, влетает, раздается поганое «хе-хе». И Ангелов не услышишь! Но истина, истина, не отчаивайтесь. Даже среди ужаса и мрака готова каждому помощь: Иисус живет!

– Вот и я говорю каждому свое! Кому чаша, кому стакан, а кому миска! А кому все сразу!

– О, замолчи проклятый!

– Ладно тебе автор, хватит обзывать!

– Не обращай ко мне на ты!

– Да автор вон как тебе Ангелы мозги то вправили.

– Не болтай, завязывай! Явился проклятый, значит поехали! Отправляемся, пока я не передумал!

– Мировая значит?

– Вынужденный пакт о не нападение!

– А, как во вторую мировую? Пока кто-нибудь без предупреждения не передумает? Это по-нашему! Договорились все не чужие. Вперед!

Машина завелась и Виталик поехал.

Артур волновался, и чтобы успокоится, ему надо было выговориться, молчать значит было накручивать себя еще сильнее, и он завел рассказ о своей семье и так что черт притих и я с ним на пару.

– Действительно как оно у нас в семье выходило неизвестно, – стал рассказывать Артур. – Видно, что судьба, потому что логикой это объяснить не могу. Мой дедушка по маминой линии как из сказки Иванушка дурачек, родом из глухой деревни, такой что, ни газа ни воды пошел служить в армию и попал в Барнаул и не, а бы куда, а в летный полк. Только вообрази себе: город, самолеты, девушки. Бог мой как у него наверно кружилась голова. И он наверно поклялся, что не вернется в деревню. Познакомился с молоденькой девушкой и околдовал ее. Она его взаправду полюбила. Служба подошла к концу, но он обещал, что вернется. Еще бы он не вернулся. Она ждала, плакала, писала письма, все был против их союза, но Бог милостив, он исполнил мечту юноши и подарил Алеше любовь и город. Он без копейки денег, вот не поверишь в тапочках на босу ногу приехал сватать мою будущую бабушку, мол, люблю, отдайте, я ею на руках носить всю жизнь стану. Сжалились, отдали. Купили дом, живи, одним словом не хочу. Ну, разгорелись глаза у Алеши, подавай Алеше богатства. Сказок, что ли Алеша не читал. Забыл, что не богатства человека делают счастливым, а любовь и если решился гнаться за длинным рублем, это надо делать то только из любви. Как и покорять города. Я покорю мир! В крайнем случае, угроблю его, но опять же, только раде любви.

Виталик улыбнулся.

– Да, мой дедушка не был королем, он был жулик. Но жулик не рядовой, а с запросами короля. А еще бабник. Вскружили Алеши голову страсти. Да мой дед был сладострастник вот прямо как старик Карамазов и такой же плут. Я когда этот роман Достоевского читаю,

честно признаюсь, вздрагиваю, настолько, похоже. Всю жизнь Алексей Прокопович таскался по девкам. И всю жизнь устраивал грязные делишки. И всю жизнь не сиделось ему на месте. Мой дед был негодяем, и я имею право так рассуждать, во-первых, по тому, что это мой дед и главное от его поступков отчасти сложилась и моя судьба. Только представь, он загулял с племянницей родной жены и бросил ту, которой клялся носить на руках с двумя детьми и спокойно укатил себе с родственницей обратно на Дон. Это было все равно, как извержения Везувия и погребения Помпей. Другими словами, не каких надежд, но что ты думаешь. Бог мой, видно небо всегда было к нашему семейству предпочтительней, чем мы к нему. Что скрывать я тоже паразит и не занимаюсь воспитанием собственного сына. Развелся и оставил жену с ребенком на руках! Оно и понятно сам не видел родного отца в глаза. Безотцовщина порождает страшные вещи. Но вернемся к драгоценному дедушке. Господи да ведь он же был гений. Явился через месяц и признал, что и вправду племянница сволочь, и все правильно сделали, что ее прокляли, потому что она даже его предала. Он ее бросил, что, мол, так ей и надо. Справедливость восторжествовала. Ты только вдумайся вот ловкач. И снова клятвы и прочие проверенные приемы. И что ты думаешь, сработала. Деда простили, но и этого ему было мало, в Барнауле ему наскучило, и он объявил, чтобы жена собиралась в путешествие, а заодно и малолетние дети. И только если представить, подумать, то можно понять, что он только жил, чтобы выжать из этой жизни все до последней капельки, но он так и не стал, настоящим черным королем. Таким обманщиком, таким притворщиком и мошенником, чтобы в честь него поднимали бокалы, чтобы прославляли его имя. Но знаешь, поистине тебе говорю, он был наделен каким-то черным мастерством порою оставаться равнодушным к сердечным волнениям своих близких. Он тот, кто вдоль и поперек знал мою бабушку, наобещал ей, что она обретет рай, если бросит всех родных он положит к ее ногам мир. О, как ее уговаривали остаться, не ехать. Ни родных, ни друзей – далекий неведомый край. Но она видно по-настоящему любила своего Алешу. И он увез свою жену из родного края, а потом снова бросил, предав в два раза сильнее. А прежде как в сказке. Сам деревенщина женился на красавице, переехал в город, заочно поступил в авиационный институт. Он был очень талантлив, не исключено, что второй Туполев, самолет с закрытыми глазами мог разобрать и собрать. Но всю жизнь грезил о дворце. Так он был беден, так он был нищ в своем детстве, что наверно, когда попал в город, поклялся себе, что выстроит собственный дворец. И вот снова сказка. Судьба есть на свете. Но она только за тем наверно сотворена Господом, чтобы устраивать человеку проверки на чистоплотность. Переехав на Дон, дедушка вступил в партию, заимел полезные знакомства. И кто-то, углядев в нем хватку и жажду чего-то большого предложил Алексею Прокоповичу стать председателем строящегося кооперативного микрорайона. Что там дворец, целый город был в кармане у Алеши. Истина что дворцы сначала строятся в умах. Нет, сразу дворцы не образуются, в жизни дворцы не растут, как грибы после дождя. Здесь обманул, тут присвоил, что тебе не принадлежит и вроде выходит. И вот чем сильнее дворец кружит твою голову, тем сильнее ты способен, на обман. Я все раньше задавался вопросом откуда у моего деда, вот сидел в голове тот дворец? А ведь истина то и, правда, из детства, то нищета. И если бедность не порок то нищета страшнее холеры, потому что холеру есть шанс вылечить и в сердце теплится надежда, а когда нищета, кажется, что это проклятье, от которого не избавиться. И что самое страшное, что когда вдруг случается просвет, и, кажется, жизнь наладится, ты можешь как голодный, не евший трое суток наброситься на фортуна, думая вот оно счастье, вот оно это колесо что вынесет тебя, исполнит заветную мечту, но может же, и навсегда забрать мечту. В случае с моим дедом убить талант авиамеханика и прочее. И стремясь всю жизнь построить собственный дворец, чем только он не занимался в жизни, за что только не брался, куда не отправлялся. Вдоль и поперек исколесил страну, собирал женьшень в тайге, возил ковры с востока, замерзал на дальнем севере, когда остальные спокойно ходили на работу и жили на одну зарплату. А деду бы только скопить, лишь только бы больше не знать нищеты, не воро-

тяться в детства. И вроде последние годы жизнь налаживалась, а здесь эта стройка. И Алексей Прокопович явил свой новый талант, или то черт его надоумил, но вышло красиво, чертовски я бы сказал, умело получилось у моего дедушки. Если только вообразить, мой дед является наверно, пожалуй, первым, квартирным мошенником советского союза. До него такой штуки точно никто не проделывал. Он умелец на все руки, еще в семидесятые годы прошлого столетия во времена развитого социализма умудрился додуматься, что одну кооперативную квартиру можно два раза продать, да что два, можно десять раз. И продал. Набрал целый чемодан денег, и сбежал с подвернувшийся пигалицей, строить собственный дворец. Пять лет его искала вся милиция советского союза. И надо отдать должное нашла. Но и тут Алеше улыбалась фортуна, за его фокусы ему дали четыре года вольного поселения, когда запросто за такие вещи тогда могли расстрелять, а через два года вообще перевели на химию, а еще через год он попал под амнистию. И что же ты думаешь, он потом угомонился, да нет, все в таком же духи, но надо отдать ему должное, более он ни разу не попадался. Я же говорю, мой дед гений, только на что он истратил свой талант? Но будем откровенны не один из нашей семьи так законопослушным человеком и не был. Но черт с этими законами, горько, что и не исполнил мечты, – сказал Артур и опустил голову. Может мне удастся, и я напишу заветную книгу. И ведь разве мой дед Алексей Прокопович о чем-нибудь не мечтал кроме окаянного дворца? Конечно, мечтал, и я думаю, он мечтал о свободе, жаждал освобождения от своего недуга боязни возвратиться в нищенское детство. Вообще он был необыкновенным при всех страстях. А другого деда у меня и не было и не будет! И если он не заслужил не покоя, не света на небесах, пусть хоть земля ему будет пухом. И мой дядюшка тоже талант, что и неудивительно с такими генами. И вот он истина был мне до какого-то времени все равно, что отец, я во многом ему благодарен, а потом... Одним словом я вырос! Но как можно его в чем-то корить, если он сам был однажды так разочарован в собственном отце, если что ему и досталось от Алексея Прокоповича это масштаб. Дядюшка железнодорожными составами воровал бензин, на стратегическом объекте страны. И что вы думаете, тоже был в розыске. А как его ловили! Это был целый детектив. Но за свои дела отсидел считанные месяцы в тюрьме и был оправдан. Правда, пришлось продать, как оно говорится все, что было нажито «непосильным трудом», но за то, на свободе. Он расстался со второй женой, и сейчас пытается счастье в Москве, где точно также пытался после тюрьмы встать на ноги наш дед. Ко всему прочему еще в тюрьме седела моя несчастная мама. Она подалась в воровки, хотя тоже, все не просто и умудрилась обчистить с десятков квартир. Это было у нее от скуки, вместо того чтобы заниматься нашим воспитанием с братом она лазила по чужим домам. Но ты знаешь, я не виню ее, мне кажется, она так и не выросла, да именно так. А собственно, откуда и как она могла вырасти, если однажды собственный отец постановил отправить ее делать искусственные роды еще, когда она была совсем подростком. Сам где-то всю жизнь таскался, сам не доглядел, а потом ничего другого не нашел лучше как изуродовать психику собственной дочери. Но, а как еще объяснить, что вот, например, она таскала меня собой на кражи. Она называла меня королем Артуром и говорила, чтобы я ничего не боялся, и я не боялся. И я желал, чтобы у меня был меч, – сказал Артур и криво улыбнулся, словно вспомнив что-то горькое и ненавистное, но тут, же отбросил, скрыл, чтобы, никто не догадался об его какой-то не заживающей ране и продолжал рассказывать.

– Когда мне было десять лет, я обворовал с мамой чей-то дом. Забавно да? Кто-нибудь грабил по ночам на пару с родной матерью? Вот истина у меня на роду написано стать героем романа. Моя матушка, через разбитое окно подавала мне краденые вещи, а я весело складывал награбленное в мешок. Я воспринимал это все, как какую игру. Но вот парадокс моя тридцатилетняя мать тоже все представляла как игру и забаву. И вроде у нее тоже был шанс, на счастливую жизнь она вышла замуж с ребенком на руках, то есть со мной, но она так и не смогла стать ни матерью ни женой. Но собственно как бы она ее стала бы? Она, то нас бросала по бабкам, а потом ее посадили. Ты же знаешь, я как-то тебе уже рассказывал. Они же вообще не знают

друг с другом. Я имею виду моего младшего брата и мать. Это моя незаживающая рана, только представь, они живут в одном городе, их разделяет всего несколько автобусных остановок, а они так и ни разу и не виделись за двадцать лет. И всего страшней он призывает ее, а его так люблю, я люблю их обоих. Я никогда не видел родного отца, а мой брат никогда не разговаривал с родной матерью. Что за проклятье?! – и Артур замолчал, ему вдруг сделалось тошно. А куда собственно едет он? Ведь если только внимательно всмотреться семейную «кинохронику», он собрался наступать нате же грабли, что его и все родные.

– Да, нет, не дождетесь, подумал Артур, улыбнувшись облакам через лобовое стекло и отбросил в сторону какую-то ненавистную мысль. А потом и вовсе рассмеялся, но тоже с каким-то оттенком горечи. – Ты знаешь, отчасти я ненавижу классическую литературу! Да вот такой парадокс. С одной стороны я преклоняюсь перед Достоевским, Гоголем, а вот с другой, они научили меня разбираться в причинах возникновения человеческих несчастий. Им это было легко, с моей-то родословной, – Артур зло усмехнулся. Они словно специально выбрали меня. Но, а почему специально? Я ведь желаю быть настоящим писателем, и ты знаешь, мне начинает казаться, что величия русских писателей не в гении и не в таланте, а вот даже и произносить страшно.

– Почему? – удивился Виталик.

Артур с какой-то прямо завистью посмотрел на друга.

– Забудь, ерунда, – улыбнулся Артур. Продолжим героическую эпопею моей гениальной во всех отношении семейки. За два всплывших эпизода моей несчастной матушке дали два с половиной года с конфискацией имущества. На ней надо сказать правосудие отыгралось. Добрый попался судья, и наверно и вправду думая, что зло все от женщин, не пожалел. И вот опять парадокс, если бы мы как говорится, последний кусок доедали. Но где там, в нашей семье всегда была полная чаша, за исключением, пожалуй, любви. Во все времена наша бабушка торгаш до мозга костей зарабатывала своим отпрыскам на хлеб и не с маслом, а, все больше с черной икрой. Под статьей всегда ходила, но видно что-то действительно такое есть. Если бы еще ее посадили, то, – Артур вздохнул. – Определенно мы с тобой бы сейчас не направлялись. Другими словами и более явными я бы может и не дожил до сего знаменательного дня. Но раз все-таки случилось, теперь пришла моя очередь и по всем правилам жанра придется мне следовать семейной традиции. Подаваться в бега. И в Москву я поеду по примеру своих родственничков. И вот, пожалуйста, само проведение! Из Москвы приехали люди, чтобы я их обобрал, и у меня были деньги, набелит до столицы. И после этого как можно не верить в сказки? И едим мы на вокзал, может заранее билеты купить?! – и Артур весело рассмеялся и совсем позабыл про волнение и обо всех горьких коллизиях своей семьи. Он почувствовал себя словно каким-то героем. А прежде он дал себе клятву, что с ним не произойдет как с его родственничками и если он поддержит династию, то только, что провернет по-настоящему большое дело и так же изящно и ловко как дедушка с дядюшкой. Только отчасти он хотел доказать, что сам чего-то стоит в криминальных делах. Пре том, что атмосфера в семье и само поведение никогда не было окутано воровской романтикой. Никто никогда не хвалился своим «подвигами», не рассказывал о тюрьме и вообще в целом о своих делах старался помалкивать. Не преступным авторитетом хотел быть Артур. Он всегда во всем стремился быть первым и доказать всему миру, что заслуживает, чтобы мир носил его на руках. Это было у Артура до потери рассудка, да он и рассудок готов был отдать, лишь бы только им восхищались. Именно восхищались, а не поклонялись.

Молодой человек если и желала быть королем, то каким-то очень странным. Но, а с другой стороны, как на это посмотреть. Артур желал кружить головы, все время стремился сотворить такое, чтобы за ним ходили толпой и заглядывали в рот. И это была не гордыня, это было что-то другое, такое, что мог рассказать только сам Артур, но он никому об этом не рассказывал, а может и сам забыл и не понимал, почему все его естество требует от окружающих,

чтобы его любили. Да вот именно, чтобы любили. Артур хотел, чтобы его все любили, вот все до одного. Кому-то это покажется абсурдом, зачем это надо? А вот Артур этого желал и не перед чем не остановился бы, только бы его все полюбили. Это было еще одна шарада души Артура, которую если чему и возможно было разгадать, так это только нашей истории и разворачивающимся в ней событиям.

VI

Прежде чем ехать встречать москвичей, нужно было заехать еще в одно место, и Артур назвал Виталику улицу.

– На Станиславского! Там нас ждет основной состав. Первый человек и князь тьмы! Артур вздохнул:

– Я знаю, отчего я умру. Вот кто-то умирает от болезней кто-то просто от старости, а я от примет. Сойду с ума от знаков и символов. А может, пронесет?!

– Хе-хе конечно пролетим! Поскачем верхом! Садись на меня! Доставай свой передатчик! Подрастешь хе-хе, тебе выдадут настоящий!

Артур достал мобильный телефон и набрал номер.

– Выходите! – сказал Артур.

– Да они уже вышли. Хе-хе их хвостом уже как час назад с постелей поднял!

– Мы уже ждем! На перекрестке! – раздался голос Адама.

– Как в сказке! – подумал Артур.

– В сказке?! Черт, черт, черт с тобой! Будет тебе сказка, такая сказочка хе-хе! Только с ума не сойди! Не слушай, сердце, не смотри в душу. В сердце Ангелы, в душе их Господи! Слушай меня, смотри, что тебе я черт, черт, черт показываю. Ведь что показываю тебе я ты видишь собственными глазами, а то что показываю тебе Ангелы, ты только можешь почувствовать сердцем, а ты не чувствуй, а ты забудь, чтобы всех надуть, всех обмануть, все верх дном перевернуть. Думай о черте, представляй черта, зови черта. И будешь Царем. Царь, Царь, Царь! Я тебе намекну, я тебе подскажу, я тебе укажу, черт, черт, черт.

И Артур еще издали заметил Адама. На нем был бардовый костюм на глазах темные очки. Но он был один. Это обстоятельство насторожило Артура. И еще с большей силой в его голове закружился образ невидимки. И вот то, что он заставлял себя ждать, усиливало впечатление, что он правда вот как сейчас выскочит, как ошеломит.

Они остановились. Артур вышел из машины с одной только мыслью на уме.

– Где Мефистофель? – улыбнулся Артур.

Адам не понял, и протянул руку. Они поздоровались, и Артур поймал себя на мысли, что аферисты не образованный народ, только что и могут дурить неграмотных.

– Адель, сейчас подойдет, – сказал Адам.

– Адель? – переспросил Артур.

– Неудобно, можешь звать его Андрей.

– Почему, все замечательно. В ад, так в ад!

Адам снова не понял.

Артур улыбнулся.

– Адель, мне нравится!

И черт знает кто, явился и вправду словно неоткуда, словно из под земли и если бы до конца соответствовал демоническому облику, истина можно было бы в самую пору зажмуриться. А тут, наоборот, Артур от удивления округлил глаза.

Главарь их шайки, вы не поверите, но больше походил, на спившегося кощея бессмертного, чем на мошенника высокой пробы. В черном помятом костюме. Плешь на голове. Худющий. Глаза навывкате и в стельку пьяный. Вот еле на ногах стоит.

Артур растерялся.

Даже через темные очки было видно, что Адаму было стыдно за компаньона.

– Все будет нормально. Ты сам все сможешь, сделать! Сегодня он не нужен. Он тебе все расскажет.

– Он может, говорить? – удивился Артур.

И вдруг Адам улыбнулся, так, словно Артур его развеселил, так, словно в его приятели пьянице жило такое, что может свалить с ног. А может, бродило прежде, но закваска осталась такая, что если он раньше времени откроет рот Артур окаменеет. И в самом деле, Адель не прозносся не слова без приглашения, как какой начальник сел на переднее сидение. И рукой, мол, что встали, пошевеливайтесь, позвал садиться в машину. И так это было безоговорочно, так к месту, что все подчинились.

И всех словно парализовало какое-то безволие и точно говорю вам, если Адель молчал час к ряду, никто наверно так и не решился бы его потревожить.

Но вот наконец-то Адель повернул свою плешивую голову в сторону Артура. Глаза, его блеснули каким-то нездоровым блеском, и он улыбнулся, какой-то невероятной улыбкой, которая может быть только у злого скомороха, знаете такая, что говорит, « что голубчики, начинайте пугаться, сейчас я стану шутить!»

И Адель, подзвал рукой Артура поближе, словно хотел что-то шепнуть ему на ухо.

Артур наклонился.

– Придешь, – прошептал Адель, так словно его могут подслушать, так, словно он никому не доверяет вот даже самому себе. Сказал и словно опять куда-то подевался, вот провалился сквозь землю. Был здесь, а на самом деле как будто и не было. Словно так, как будто душа из него выпрыгнула и побежала с кем-то посоветоваться, потому, что больше уже не принадлежала Аделю, словно он ее п... Страшно, читатель у меня язык не поворачивается сказать, на что порою решается человек.

– А у меня поворачивается! Он ее продал, продал, продал!

– О, замолчи проклятый! Может у человека просто однажды не хватило сил с тобой бороться с тобой, потому, что его предали друзья, бросила жена. Или еще страшней так все запутались, что забыли истины! О, я знаю, почему ты к моему герою так всегда не равнодушен был. Ведь истина он право имеет! Все имеют, если обидели! Но ты забываешься, он не только твой наследник. Сколько ты еще их мучить будешь? Пусть Адель, твой черный план докладывает. И убирайся! О, проклятый выскочка! Больше не выскакивай, не выскакивай, не выскакивая. Я автор! Все ровно у тебя черт ничего не выйдет! У, присосался!

– А ты мы еще поглядим хе-хе, что из кого выскочит!

Артур не мог больше терпеть у него начинали сдавать нервы и он заерзал. И это словно нашатырь подействовала на Аделя, словно он только и ждал, чтобы Артур разнервничался, и было его проще окончательно обескуражить.

– Придешь и скажешь, что от Ольги, – сказал Адель и улыбнулся своей не здоровой кривою улыбкой.

У Артура пробежал холодок по спине.

– От Ольги? удивленно переспросил Артур.

– Да от Ольги! И предложишь на рубль больше, будет мяться предложи два рубля. А за три он тебе ноги станет целовать.

– Кто?

– Конь в пальто! Он мать родную за три рубля продаст!

– Куда едим? – спросил Виталик, делая вид, что с Артуром незнаком.

– На хладокомбинат! – скомандовал Адель и престранно улыбнулся Артуру, который думал, что они вообще-то направятся на вокзал встречать москвичей. Артур напрягся, и хотел было спросить, что собственно происходит, но было уже вроде как поздно, Виталик завел машину, и они поехали. Артур рассердился, но вида не показал и стал соображать. Злость как нашатырь подействовала на него отрезвляюще.

Прежде не о каком хладокомбинате речь не шла. Был разговор, что приезжают люди из Москвы, отдельно едут два рефрижератора. Артур встречается с москвичами и просто отвозит их в гостиницу, а машины сами грузятся мясом на заводе. Как только начинается погрузка

им из Москвы на реквизиты организованной фирмы, перечисляют деньги, которые они должны в свою очередь перечислить заводу. Перевод электронный, происходит в течении пятнадцать минут. И вот в это время пока осуществляется загрузка, Артур с Петровым должен снять деньги и дать деру, пока все не кинулись и не поняли, что их обманули. Все было гениально и просто. Ни завод, ни москвичи друг о друге не знали. Главное надо было создать такое впечатление, чтобы москвичи думали, что Петров владелиц мяса, что он просто арендует на заводе холодильник. А на хладокомбинате, чтобы не знали не о каких москвичах и продавали мяса Петрову. Для этого было заключено два договора, один с фирмой из Москвы, другой с заводом. Товар проходил по безналичному расчету. Загрузили машины, перечислили деньги. Поэтому собственно и нельзя было везти москвичей на хладокомбинат, наоборот их надо было любой ценой держать от него подальше.

Артур вдруг понял, что жулики все переиграли или вообще у них был план, в который они прежде не посвящали Артура, чтобы он ненароком не отказался. Артур сразу сообразил, что если он покажется на заводе, это только лишний раз будет подтверждать его участие в афере, другими словами, если дойдет дело милиции, это для него выйдет боком.

Но проклятый скоморох словно читал мысли Артура. Его жалкий вид лишь только была видимость. Артур, как только обо всем догадался, решил, что некуда не пойдет, но не успел еще укрепиться в принятом решении как тут же, был загнан в новую ловушку.

– На хладокомбинате меня знают, больше не верят! – сказал Адель.

Артур хотел было открыть рот, но «кощей» и здесь его опередил.

– И Адама знают! Ты пойдешь! Все решено. Спросишь Варфоломея, директора по резерву. Фамилия Шнитке! Закажешь у него для нас музыку! – Адель рассмеялся не здоровым смехом.

И Артур сделал вывод, что Адель был только выпевший. Не пьяный он был, а как в каком-то нервном приступе.

– Психопат. Сумасшедший! – промелькнула у Артура, Шнитке! Закажешь музыку! Я тебе дам музыку! Я тебе такую ночку устрою, век помнить будешь. Как он выглядит? – спросил злобно Артур.

– Скряга, все ему мало. Ему все равно с кем дело иметь. Говорю, мать родную продаст. Тебе и делать ни чего не придется. Все уже устроено, он тебя ждет. А лучше вообще его припугни. Он трус страшный!

– Приехали, – нервно сказал Виталик, паркуя машину. Нервоз Артура передался и ему. Адель действительно произвел на друзей неприятное впечатление. Было в нем что-то от помешавшегося человека, сделал вывод Виталик. О, если бы он знал истину! Не знаю даже кому завидовать в нашей истории. Вам читатель, которым известно больше героев, и понятно, что добра ждать не придется или героям которые остаются в неведении и верят, надеются, что действительно выберутся из болота, куда их заманивает проклятый черт? А собственно, зачем это черту надо? Сделал бы, как говорится все шито-крыто, и разбежались бы. О, нет, любезный читатель не все так просто, как кажется. Ведь что преследует черт? Черту подавай душу, а с душой согласитесь, никто так просто не расстанется. Надо панику, надо чтобы как следует, вас ударило по голове. И вот является какой-нибудь добрый в кавычках дядя и предлагает вас спасти, да еще богатство сулит. Вот тогда и теряешь покой вот тогда и начнешь думать, а почему собственно не рискнуть, тем более когда вроде нет другого выхода. И бойся такой поры человек, не верь, не слушай предложения, черт знает кого. Всегда есть выход, но сами посудите, разве может быть способом выбраться из трясины еще глубже в нее влезть?

Вот и огромные ворота хладокомбината были нараспашку и приглашали войти. Но куда был, то вход? И что попросят взамен за выход? Но Артур, не задумываясь в полной уверенности, что его вынесет, сделал первый шаг. И уже скоро, как по какой карте Артур вышел на эстакаду заставленную рефрижераторами. Бойким ходом шла погрузка. Огромные мороже-

ные туши коров на подъемниках развозили по машинам, которые наполнившись, разъезжались во все уголки России.

Артур быстро нашел кого надо и договорился...

VII

А чем дальше, тем больше Артур понимал, что его просто напросто как говорится, подводят под монастырь. И хорошо, что если действительно в монахи, запахло тюрьмой. Что, мол, коровы старые, несколько не насторожило Аделя. А наоборот развеселила. Он сказал, вот и славно, что у них в Москве вообще все от рук отбились, что и такие сгодятся, да что сойдут, да они руки должны целовать, ноги мыть. Другими словами еще должны останутся. А потом объявил, что вообще ему больше делать нечего, что дело в шляпе, что он откланивается. Что он не в форме. Мундир паразит, дома забыл. Что костюмчик надо сменить. Другими словами, что ни на какую встречу с москвичами, не едет, что поедет Артур. Встретит, отвезет в гостиницу, будет веселить, кормить и зубы заговаривать пока те не переведут деньги. А коммерческий директор, на больничном. В санатории. На водах. В Кисловодске! Как говорят, воры не приделах. Все решает, Артур. Артур сегодня заглавного. А потом под занавес, чтобы окончательно добить Артура, Адель достал из кармана пропуск в закрытую гостиницу, которая находилась в ведомости МВД. Гостиница была устроена, на левом берегу Дона и представлял собой что-то вроде санатория особого режима. Как пояснил Адель в обыкновенную гостиницу москвичей везти нельзя, что, мол, вздумают еще отправиться по городу на экскурсию, а самое главное на хладокомбинат заявятся, а в этой гостинице все ровно, что в тюрьме. И вообще их там уже ждут и стол накрывают. На лицо, было, что Артуру светит статья за мошенничество в особо крупных размерах. Если что случится, в деле будет фигурировать только Артур, да еще подставной Петя Петров, который по документам числился коммерческим директором. А потом Адель поразит, такие строил рожи, что Артур, понял, что все так и задумывалась. Что все и делалось, чтобы так случилось. Все было так просто как все гениальное. Он Адель в прошлом крупный бизнесмен, просто решил нагреть руки на бывших партнерах, свалив всю вину, на взорвавшегося менеджера который снимет деньги и даст деру. Артур представил, как проклятый Адель станнит вздыхать и поливать его грязью, что, мол, приютил приголубил, а Артур предал. Всех надул мошенник и приятеля, что мухи не обидел, в кутузку упрятал. И на остров свободы укатил. Курит там с Кастро сигары и спускает миллионы. А может вообще его отправят в Дон на корм рыбам. Артур обо всем догадался и был взбешен и в первый момент, хотел даже прибить проклятого обманщика, но взял в себя в руки. И понимающе улыбнулся кощею, который на поверку оказался обыкновенным жуликом, потерявшим от водки рассудок. Артур отнесся ко всему философски. Если он решил, и вправду пожаловать поделщикам, лишь только крохи от пирога, все сходится. И самое главное теперь ему будет не совестно, если он все провернет, значит, ему положена большая часть денег, по справедливости. Вот и получите бездельники, что заслужите, решил Артур и с чистой совестью взялся за дело. Но не только Артуру захотелось надуть компаньонов, молодой человек с ними заодно решил оставить в дураках нечистых на руку милиционеров, которые не могли быть не замешаны в афере. Не на рынке же, в самом деле, пропуск пьянице выдали и еще стол обещали накрыть? Все выходило, что дело было не рядовое и в самом деле под стать королю. Чтобы такое повернуть действительно нужен был талант, а еще дерзость и смелость. Можно было отказаться и жить, как жилось, но вот это один против всех. Артур некогда не отступал. И все так слаживалось. И Ольга и приметы. Мечты, планы. Ну, держитесь, решил Артур и засучил рукава.

– Да хе-хе! На это я всегда и рассчитывал!

– Не высказывай, я рассказываю!

– Пожалуйста, пожалуйста, автор только не волнуйтесь! Дойдите до главного!

Ну, вот читатель даже когда пьяница Адель попросил денег на бутылку, мол, от нервов. Артур дал даже на закуску. Одно только не укладывалась в голову Артуру, и он не выдержал.

– Кто такая Ольга? – нервно спросил он.

– Ольга? – улыбнулся Адель и снова принял какой-то вид сумасшедшего. Любовница моя! А что у тебя тоже есть своя княжна? И думаешь та самая, что спасет? – как-то даже мистически сказал проклятый скоморох.

Артур вздрогнул и в ответ только криво улыбнулся. Быстро сел в машину и сказал Виталику, чтобы он убирался. А Адель еще долго стоял на дороге, и пока машина совсем уже не потерялась из виду, не сдвинулся с места, словно кто-то ему приказывал, словно кто-то когда это было нужно, безоговорочно им руководил. А Артур ерзал на сиденье от жуткого чувства, что словно кто-то взглядом сверлит ему затылок и хочет залезть в голову, завладеть его мыслями, открыть его тайные желания и подчинить его себе.

И снова приметы и сплошные знаки, словно кто-то с кем-то сговорился. Артуру стало представляться, словно кто-то сидит за углом и списывает его каждый шаг. Ох, если бы он был внимательней. Остановился, прислушался к сердцу.

– Какое хе-хе к черту сердце! Не отвлекайся автор. Давай про надувательство и москвичей!

– О, окаянный никуда от тебя не деться!

Москвичами читатель оказалась какая-то странная влюбленная парочка. Андрей и Вера представились гости. На вид они были совсем не богачи и не воротилы, а обычные служащие в командировке. Приятные и добрые на вид люди в замусоленной одежде. Обои слегка полноватые. Но вот самые простые на свете. Прежде Артур только как представлял, как он будет усаживать москвичей в старую машину разваливающуюся на ходу, так сразу руки опускались от не ловкости, а таким и такая машина наверно лимузином покажется, решил Артур и отбросил волнение. Так и получилось, гости не капризничали и с удовольствием сели в поддержанный автомобиль.

Ах, так Артуру «везло» что, кажется негде искать от черта спасения. Герой наш принялся лгать сквозь приветливость и улыбку и с каждым словом, оттого что ему верят, менялся на глазах, наливаясь какой-то черной страшной силой.

Повезли гостей размещать в гостиницу. Дорогу показывал Адель. Гостиницу выбрал за рание. Ему подсказали.

Гостиница была не простой и покровительствовало ее местное мвд. При гостинице был специальный кабинет. И после обеда, когда гости отправились в номер, Артура вызвали в кабинет на «беседу». За столом сидел худой человек в штатском по фамилии Щукин с острым и опасным взглядом как кинжал.

– Здравствуйте, – спокойно сказал Артур. Они мясо хотят смотреть. А мясо старое! – весело сказал Артур. Задор и вот что Артур перешел сразу к делу даже не спросил, зачем его вызвали, как-то сразу расклеило Щукина, и его взгляд прежде опасный стал рассеянным.

– Что значит старое? Пропавшее? – испугался Щукин.

– Черт его знает! Такое, что брать никто не желает! – и Артур без приглашения уселся на стул. Что делать будем?

Человек в штатском растерялся.

Артур улыбнулся и легко предложил выход из ситуации.

– Давайте, вы их закроете. На замок! Как всегда у вас делается! А я все проверну.

– Хорошо, конечно! – обрадовался Щукин. У него, словно гора свалилась с плеч, и он радостный болтал лишнее:

– Это мы умеем! Сделаем!

Артур поднялся.

– Тогда я поеду, а вы давайте не подкачайте.

– Не переживайте, мы их не выпустим. Никто про них не узнает! – и Щукин тоже поднялся и стал протягивать руку, но Артур улыбнулся и спрятал руки в карманы.

– Прощайте! – сказал Артур.

– До свидания, – смутившись, ответил Щукин. Его переиграл мальчишка и он хотел, чтобы тот скорее ушел.

А Артур, как назло специально выдерживал паузу, словно ему доставляло удовольствие еще немного поиздеваться.

– До свидание, – нервно повторил оставшийся в дураках.

– Счастливо оставаться, – улыбнулся Артур и с издевкой подумал, заглядывая в глаза Щекину:

«-Проще простого! Грамотеи. С кем связались?!»

И....

– И вышел хе-хе! Как тебе читатель? Понравилась, как граждан дурить? Соберешься, только свисни, черт тебе подсобит! А о цене хе-хе договоримся. Как искать меня? Да проще простого! Адрес мой ваша собственная подлость, решишься на обман и я тут как тут. Что автор, все дело в шляпе! За хладокомбинат и погрузку мяса не переживай, я уже распорядился. Уже сегодня все будет готова. Давай о главном, о предательстве! Я очень этого жду! Чтобы уже по-настоящему начать с тобой автор мериться силами. Молчишь автор! Что? Сжечь все собрался?! Не дойдя даже до главного? Стой, кому говорят! Ангелы, Ангелы, Ангелы! Да явитесь же, наконец небесные посланники! Я замолкну, лопну, скроюсь до поры до времени. Держись автор, храбрись мой родной, вот твои Ангелы, Ангелы, Ангелы! Вижу Их!

– Все ты врешь проклятый, не слышу Их!

Говорю автор, вижу, летят к тебе! Не сходи с ума раньше завещанного, не бросай свой труд в пламя, не дай благословенным строкам быть слизанными огненными языками. Знаю, что рукописи не горят! Кому если не мне это знать. Но сколько потом прикажешь тебя автор ждать? Еще сто лет! Прислушайся, раздастся с небес. Вот-вот слышу Их белокрылых! Так слушай и ты автор!

– Ах, слышу, слышу, раздалось в сердце! Ах, радость великая! Вижу вас мои верные Ангелы, говорите же со мной говорите!

Не печалься хи-хи-хи,
Продолжай свои труды!

– Как же продолжишь здесь, если проклятый, черт идет попятам?!

Когда шлем свои стихи,
Не бывать в душе беды!

– Господи, но не всегда, же я могу вас слышать! Черт, окаянный черт, заглушает ваши прекрасные светлые голоса.

В впредь мы следом полетим,
Путь мы черту преградим!

– По какому такому праву?! На земле хе-хе я Наполеон! Он хе-хе тоже был ваш наследник! А весь вышел хе-хе!

– Слышали Ангелы? Вон что задумал проклятый черт! Как быть, что делать?

Солнцем, светом ослепим,
Мы за проклятым следим!

– Подумаешь, следят Они! Вот сейчас как хвостом хлопну, да как кнутом вас обратно на облака загоню! Распелись, белокрылые! Вон, вон пошли!

Хватит тебе выступать,
Не во власти нас прогнать!

– Ах, счастье то, какое!

И в обиду не дадим!

Следом, следом полетим!

– Спасибо мои верные друзья, не знаю, чтобы без вас делал. Стану продолжать!

– Давно пора! А то развели, понимаешь хор Пятницкого!

Ты проклятый помолчи,
Не ведать тебе души!
Только, только для ночи,
Твои речи хороши!

– Вот я вам ночку в сердце хе-хе и устрою!

Как ты черт не хохочи,
Сердца пламя и души, не задуть тебе свечи!

– Это мы еще посмотрим! Летите не летите, время идет, часы тикают, скоро Пасха – воскресенье, заложит мне наследник свою бессмертную душеньку! Хе-хе! Ой! Это кто?! Отпусти рога! Рога отпусти, кому говорю! А, а-а-а! Больно! О! Угодники, о заступники, помилуйте грешного!

– Скройся!

– А вы отпустите!

– Ступай прочь! И язык прикуси, с автором желаем разговаривать!

– Трепитеесь! О, простите Угодники, натура, не виноват, хе-хе, черт! Не до комплементов!

И черт сгинул, или в сторонку отпрыгнул, и вроде как не здесь, а сам, наверное, подслушивает, чтобы очередную пакость устроить и....

«Что и.... Ну черт, подумаешь! «Мы скоро отправим тебя на волшебную дачу, там, где покой, там, где все кем ты интересуешься, кого любишь!!!

Каждому в жизни уготовано великое место, пусть на первый взгляд и кажется оно незначительным. Ну, то заблуждение. В каждом сердце Господь наш живет! И для каждого Господь наш уготовил грандиозное, и неважно кто ты, может просто да вот обыкновенный таксист или просто водитель. А вот какая-нибудь мать бежала за ребенком в садик, малыш ждал, мать волновался, а человек взял и подвез, кажется случайность, мелочь, а ребенок не расплакался, не сжималось сердечко в горести, не ведала с малых лет, что это когда обида. А может все неспроста, один решил на добро, плюнул, на то, что спешил, взял и остановился, посадил, незнакомку или незнакомца, да может вообще черт знает кого, и завернул, не за тот угол, за который собирался и бац не угодил в столб! Да кто мы такие? Да кому, какая разница, мимо шли! Почувствовали, что надо навестить вот и зашли. Истина среди ужаса и мрака готова каждому помощь: Иисус живет! Просите, истина, просите, и дано будет Вам, найдете; стучите, и отворят Вам! Мир оставлял Он нам, мир Его дал нам. Да не смущается сердце Ваше и да устрашается! Блажены чистые сердцем, ибо они Бога узрят. Верь, не бойся сомневаться, ибо, если сомневаешься, значит, сердце твое жаждет, а если желаешь, если страдаешь, Он придет и утолит твою жажду!

И истина говорим вам каждый герой!

Что ты автор опять приуныл? Вот что у тебя большие буквы не явились? Да кому они вообще эти буквы нужны? И литература? И книги?! Ведь это все бредни! Нет, разумеется, все это необходимо, важно и очень полезно, если, разумеется, оно настоящие как говорится о главном. И почему собственно в России сама великая литература? И правильно, страшно то и не гордиться надо! Потому что не книжки в России во все века желали писать, а душу излить, от горечи от отчаянья! Так, что и ты автор Сердце Твори!!

Главное не отчаиваться, главное помнить, что в сердце твоём Иисус живет! Истина проси и дано будет Тебе, найдешь; стучи, и отворят Тебе!»

– Стучи, отворят, надейся, люби! Вон хе-хе Петя Петров, что вы ему петь станете, когда наш наследничек его обработает?

Выкрикнул иза угла проклятый черт и напомнил, о себе и как бы ни было нелегко надо продолжать. И, правда, Петя Петров.....

VIII

Петя Петров был очень не решительным. Всегда ему нужна была поддержка. Он искренне верил в своего учителя Артура, как его знаменитый теска во Христа. Прислушивался, советовался и обращался за услугами, которые больше сводились к поддержке моральной. Был наш Артур для Петра своего рода героям.

Петя Петров скромный, чернявый паренек в брючках и какой-то неброской рубашки с прозрачной папочкой все ровно как большой мальчик. С ним нужно было по-отечески, родного отца Петя не знал. И для Артура отец был все ровно, как какой призрак. Слышал он о нем, но не встречал. Но Артур всегда знал, что отец это такое, что должно наставлять, такое, что должен вселять уверенность. Вот прям как Святой Дух. Артур считал, что отец должен явиться в трудную минуту и поддержать. Всю жизнь Артур сам себя поддерживал, и ему, если он только хотел было легко прийти на выручку. Вот так на собственном примере доказать, что можно на свете прожить и без отца, вот прямо как некоторые не верят в Бога и живут себе припеваючи. Артур ловко научился выкручиваться и приспособливаться к жизни, что какой-то там незримый вселенский отец был для него не авторитет. Тогда напрашивается вопрос, зачем же Артур так интересовался вопросами религии и веры? Он ими просто болел, вы скоро в этом читатель сами убедитесь. Ну, если ты сам такой мастер на все руки, что же ты за Евангелие берешься? Или все-таки веришь? Вы ходит, что Бог волнует тебя? Да Артура волновала религия, так что голова болела. Артур всегда был поражен, какая сила, какая мощь обрушивается на человека, когда говоришь с ним о Боге. «Да что он Бог? – скажет кто-нибудь. Вещь для жизни по сути бесполезная, что Бог добрый дяденька который накормит и обуе тебя?» И пройдет стороной. Артур смялся над такими, когда при этом в Бога вроде, как и не верил. А фокус в том, что Артур знал, сам пробовал, скажи человек, что продал Христа и даже безбожник, вот самый отъявленный, а встрепенется. И начнет доказывать, обратное, да хоть, что Бога нет, и значит, никого он придать не мог в принципе. И это так нравилось Артуру это его так волновало. А если уметь объяснить, а если уметь доказать, что предал, вот в чем Эверест, у человека руки опуститься могут или наоборот докажи, что есть. Прием покажи, и не принуди, а подведи самого, пусть сам уверует и все твой человек, делай с ним, что хочешь. Секрет великий и непостижимый. Но почему так? Вот это всегда и волновала Артура. Он знал, что вера такой рычаг, такая колесница, что не одной ракете не угнаться за ней. А ему так нравилось править людьми, все ровно он и, правда, был какой король. Почему так неизвестно, это надо спрашивать у Артура, но как говорилось ранее, он и сам не знал, отчего его так тянет покорять. Главное что у него получалось. Он знал, на что надавить, он так умел претворяться, что иногда сам забывался. В школе ему пророчили большую сцену и советовали поступать в театральное училище, но у него все как-то не сложилось, и вот теперь он играл в жизни. Придумывал истории, потом же сам играл в них первые партии. Он рассказал Пети, что вот, мол, друзья дядюшки из Москвы протянули ему руку помощи, взяли в бизнес. И что вообще они теперь с Петей партнеры, что еще какие-нибудь год или два, и они миллионеры и весь мир будет у их ног. Они станут знаменитостями. Ну, даже не это главное. Деньги, это пошла. Слава утомительна. Главное, что теперь они по-настоящему сойдутся. Друзья на век, что это судьба, да что это плутовка сам Святой Дух на их стороне. Вот у него уже и машина служебная есть, конечно, не дорогая иномарка, но зато личный водитель. И он Артур за Петей как за настоящим другом сам приехал. Мол, беспокоится, переживает. Вот какие друзья вот, что значит партнеры. А ты думал, Бога нет?! Да как же есть! Раскрой глаза, это Бог нас свел, это Бог нам помогает, не было у нас отцов, и теперь сам Бог на нашу сторону встал. Не дрейфь, прорвемся. Про Бога Артур особо не расписывал, это автор позволил себе, но как, же иначе ведь это было так очевидно, это так просилось сказать, в каждом движении в каждом жесте, Артур,

мысленно, внушал Пети, что это больше чем обыкновенная услуга, что это перст, что это знак свыше. И когда они поехали в банк за деньгами, Петя находился в каком-то помешательстве от счастья, что, наконец, обрел настоящего друга, такого, что не жалко и на отца променять тем более которого, никогда, в глаза не видел. Петя был словно на поводу, и Артур несколько не задумывался, что ведет его по сути на убой. Наш актер так вжился в роль, что даже стал обежать и повышать голос действительно на лучшего друга. Мол, знай свое место, водитель! Что забыл, кто твой король?! Виталик обиделся. Хоть бы что ли подмигнул, как не сродным.

– Куда едешь? Не видишь светофор! О бестолочь! – выкрикнул Артур, когда Виталик от нервов проехал на зеленый свет. Так Артур его затренькал. – Надо водителя, менять, – шепнул Артур Пети, они как старинные друзья сидели на заднем сиденье и Артур то и дело показывал ему, что они теперь бизнесмены, что у них с Петей теперь своя фирма, что до того они выросли, что им теперь подчиняются. Он подмигнул Пети, мол, сейчас покажет кто здесь главный.

– Ты не забыл, что мы в банк? – спросил Артур у водителя так, словно считал Виталика полным идиотом, и думал, что он забыл, куда они направляются.

Виталик ничего не ответил.

– Что, молчишь. О каналья! В банк поворачивай, это такое учреждение там деньги выдают, – и Артур задорно улыбнулся Пети и тепло, словно то само солнце слало на землю свет и ласку, пустился в сердечные расспросы:

– Как дела, что молчишь? Как мама? Бабушка? Ты уже придумал, какой им подарок купить?

– Нет, – смутился Петя.

– Надо обязательно что-нибудь устроить. Ведь это твои родные. Не волнуйся, придумаем! Ты же им все рассказал?

– Да, – неловко ответил Петя, испугавшись, что может он поторопился.

– Молодец, правильно, сделал! – Артур хлопнул его по плечу. От близких не должно быть секретов! Мы теперь одна семья! Ты меня с ними познакомишь?

– Конечно, познакомлю, – обрадовался Петя, он не знал, куда деть себя от волнения.

– Да не дрожи! Держи хвост пистолетом. Приехали! Ты давай пока деньги снимай, а я отъеду на пять минут. Мне в налоговую инспекцию надо заехать. Бюрократия, развели, пони-маешь дармоедов, сидят в своих кабинетах заставляют порядочных граждан в очередях корячиться, – сердито сказал Артур, а потом в то же мгновение с добротой и светом, словно Ангел, слетевший на землю с небес, что несет на крыльях любовь и надежду улыбнулся Пети. Ужас, что в Артуре уживалось! Появляться в банке ему было опасно, камеры и вообще. Меньше вопросов потом будут задавать, если до милиции дойдет, и вообще он ничего не знает, просто подвез. Да и не подвозил вовсе, Пети все приснилась, Петя притворяется, Петя коммерческий директор. А директора известное дело негодяи и аферисты.

– Конечно, поезжай, – ответил Петя и разволновался. Что-то серьезное?

– Нет, просто бумажку подписать. Давай, время деньги. Мне же еще ехать расплачиваться!

– Хорошо, хорошо, – ответил Петя и поспешил.

Артур проводил его взглядом и выдохнул.

– Отъехать? – спросил Виталик, он был расстроен, он словно чувствовал, что Артур снова набросится на него и угадал.

– Да на что? Включи мозги! Ты действительно кроме как лакея ни на что не годишься.

Виталик словно ударили по голове или прямо вот нож под сердца, но он снова промолчал, но, наверное, запомнил на всю жизнь.

Артур зевнул и вроде как был в настроение и на кураже, но через минуту уже загрустил, на душе заскреблись кошки. Какое-то дурное предчувствие. А еще он смотрел на город, на зна-

кому с детства улицу на деревья, которые росли вместе с ним и поймал себя на мысли, что сейчас Петя принесет ему деньги и надо будет уехать. И вправду надо будет бежать, надо будет спастись. Он заигрался и как-то совсем позабыл, что все на само дели, все в серьез. А куда бежать, где укрываться он так и не придумал. Он так увлекся, так уверовал в свою неуязвимость, что забыл об элементарных вещах. А может он думал, что и правда ему все сойдет с рук, и что ему еще за его выкрутасы премию вручат? Мне всегда было не понять, о чем он только думает! Черт его знает в кого он такой?

– Мы поедим к тебе! – сказал Артур Виталику. С работы отпросишься. Я у вас поживу, маму твою проведаю. Давно не виделись.

– Я работу бросить не могу.

– Это почему? – не понял Артур, или не хотел понимать, сам он негде в то время не работал. Я тебе деньги плачу. Ты столько за год не заработаешь, – сказал Артур так словно Виталик ему не друг, а просто в работниках, вот холоп! – Вообще уволишься, мы больше работать не будем. Будем странствовать, Артур улыбнулся. Как Донкихот и его верный оруженосец Санча. Я подарю тебе остров. Это будет рай!

– Мне не нужен остров, – бросил Виталик.

– А что же тебе нужно Санча? Карты, вино, женщины? Ты все получишь сполна. Присягни мне на верность!

– По-человечески, чтобы относился, хочу! – сказал Виталик, ему было обидно.

– А вот ты куда! Еще спроси, верю ли я в Бога?

– При чем тут Бог?! В школе ты слишком много переиграл королей! Заигрались ваше величество, – сказал Виталик, у него просыпалась злость.

– Значит, бунт! Корону желаешь, тебя я как король больше не устраиваю? Может, ты уже и народ подговариваешь?

– Разговаривай, нормально, – разозлился Виталик, – Ты прекрасно понимаешь, о чем я. Я вырос, а ты со мной все ровно как в интернате, мне обидно. Я другом тебя считаю! А ты со мной как с прислугой!

Артур улыбнулся.

– Да ведь это для общего дела, не всерьез, – и взял товарища за руку. – А помнишь, как в интернате я литровую банку острого томата съел? И потом у меня гастрит открылся. Виталик рассмеялся.

Тебе смешно, а я месяц в больнице провалялся.

– Помню. Ты еще говорил, что я виноват.

– Да виноват, потому что не помогал есть. Так вот и сейчас если не помогать друг другу, можно загреметь, только не в больницу. В тюрьму!

– Ладно, забыли.

– Все приготовься. Петр нам служить идет! Я начальник ты дурак.

Петр был взволнован. Это немисливо! Это такие вещи! Такой ноши он думал, не вынесет, словно то не деньги он нес, а сому судьбу.

– Миллион четыреста, – сказал Петр и протянул кулек с деньгами.

– Миллион четыреста? – переспросил Артур и не поверил. Издеваются! – подумал Артур и как-то нервно взял деньги. А потом улыбнулся. Да так должно быть именно миллион четыреста, не копеейкой меньше не больше. Действительно словно сама судьба затеяла с Артуром чехарду. И так его взволновала цифра, что стало лихорадить.

«Надо бежать!» – взорвалось внутри у Артура.

– Сам Петр доберешься! Так выходит. Как всегда, – улыбнулся Артур.

– Сам?! – не поверил Петр услышанному. Я думал, ты подвезешь!

– В следующий раз покатаемся. Нам в другую сторону.

– Хорошо, покорно сказал Петр. Он был такой радостный. Он помог другу.

- Ты вот, что Петр прости меня! – вырвалось у Артура.
- За что? Ты большое дело делаешь! Сам говорил, что мы покорим мир!
- Да это шутка Петр была. Розыгрыш! Прощай, Петр.
- А я надеюсь, все получится! – выкрикнул в след Петя и тихо прошептал:
- До встречи!

У Артура стала болеть голова. Молодой человек раскрыл пакет с деньгами и вздрогнул.

– Да они меня за ноги подвешат. Как Буратино! – мелькнуло у Артура в разболевшемся сознании. – Богатенький Буратино! К черту Буратино, я король! План, нужен план. Нужно распределить деньги по частям, как роман. Да ведь это есть роман! – Артур рассмеялся. – Жизнь пишет романы, люди так только переписывают. Это гениально! По-моему я схожу с ума! Что в прицепе закономерно. Преступления есть болезнь, и на момент преступления человек заболевает, с ним случается приступ. Да Федор Михайлович? – спросил Артур, глядя куда-то, и вот словно ему ответили, и с ним вдруг начался тот приступ, о котором он говорил. – Поехали, поехали, – закричал Артур как в лихорадки.

Виталик тоже разнервничался.

- К Ольге! Домой! Дружба четырнадцать. Четырнадцать! – выкрикивал Артур.
- Помню! Я был у нее дома.
- Что ты знаешь! Только представь и денег миллион четыреста!
- Совпадения! Не накручивай!
- Да чертова арифметика! Адрес мой, адрес мой скажи.
- Мира три!
- Квартиру, квартиру скажи!

Виталик на минуту, словно куда-то провалился.

– И я о том же. Ведь тоже четырнадцать! Это фантастика. А добить тебя окончательно, но вот чтобы ты совсем зажмурился и мы врезались в столб?

– К черту иди!

– Вот и я про то! Что к черту, к черту! И у матери моей переулок ведь тоже под номером четырнадцать! Чертовщина! Михаил Афанасиевич привет передает!

И Артур заговорил не своим голосом:

– Понтии Пилат не договорил с арестантом четырнадцатого числа весеннего месяца! Четырнадцатого, четырнадцатого.

– Брось, не сходи с ума! Чей арестант, какой арестант? И причем здесь четырнадцать? – у Виталика пошел холодок по спине.

Артур всегда с самого детства нагонял жути. Любил интриговать, но тут сама жизнь приняла у него эстафетную палочку, и у этой великой актрисы все выходило куда волнительной и реалистичней. Так неповторимо, что сам Станиславский не усомнился бы и приберег бы свое знаменитое «не верю» для обыкновенных артистов.

– Ладно, будем считать, что это везение, – выдохнул Артур. Мой дедушка мошенник с того света нам подмигивает. Четырнадцать ведь не тринадцать? Бог милует!

– Ты же не веришь!

– Почему не верю?

– Потому что только берешь и не отдаешь. Надо отдавать если веришь!

Артур улыбнулся.

– Не обижайся, я думал ты глупый!

– Мы пять лет не общались! Я как белка в колесе. Такого на стройке за десять лет насмотрелся.

– Так ты тоже считаешь, что просто так кирпичи на голову не падают? – загадочно улыбнулся Артур.

– Просто так не падают.

- Любопытно. Так что ты веришь?
- Не знаю, но просто так ничего не бывает на свете.
- Хватит жути нагонять!
- Первый начал.
- Я с ума сойду с этими приметам. Ведь Ольга на работе.
- Артур залез в пакет с деньгами и достал пачку с тысячными купюрами – сто тысяч рублей. – Вот возьми. Потом еще дам.
- Волнуясь, держась одной рукой, за руль Виталик прятал деньги в карман.
- У Артура зазвонил телефон.
- Началось! – подумал Артур.
- Вы где? – слышал Артур голос Веры.
- А вы?
- Мы на хладокомбинате!
- Где?! – вспыхнула у Артура в голове, и Артур ляпнул невпопад:
- А что вы там делаете? Вас, что выпустили?
- А нас и не держали! Попросили, выпустили! Теперь ждем вас, машину без денег не отпускают! Почему вы соврали, что мясо ваше? Оно же хладокомбината.
- Я солгал?! Я сам ничего не знаю. У них там так напутано. Я не начальник!
- Приезжайте, надо расплачиваться! – сказала Вера и отключилась.
- Держи карман шире, – подумал Артур. Что за игры вообще?!
- И снова зазвонил телефон.
- Вы где? – спросил Адам.
- А вы?
- Мы на Пушкина семь? Что с деньгами?
- С деньгами проблемы! Только половина получилось снять. И вообще только одна машина! Давайте завтра встретимся!
- Нет сегодня. Деньги нужны. Мы вас ждем, – и телефон замолчал и тут же снова звонок.
- Номер Артур не знал, но он догадался, кто звонит.
- Вы где? – раздался голос человек в штатском по фамилии Щукин с острым и опасным взглядом как кинжал.
- Мы едим на хладокомбинат! – соврал Артур, ему нужно было слышать реакцию, а главное узнать, что про них уже известно.
- На хладокомбинат?! – удивился Щукин. Зачем? Приезжайте к нам! Мы вас ждем!
- С деньгами заминка, получилось снять только половину суммы.
- Как половину?! По нашим сведеньям вы сняли все. Миллион четыреста!
- Артур отключил телефон.
- Быстро работают! Выкидывай телефон! – закричал Артур и, не раздумывая, выбросил свой в открытое окно.
- Виталик испуганно достал свой мобильник.
- Выкидывай. Дурак! – выкрикнул Артур и выхватил у Виталика телефон и послал вслед за своим. Новые купим! Ловко они нас. Но мы шустрее. Поехали ко мне домой. Только быстрее, быстрее.
- А если засада? – испугался Виталик.
- Не думаю. Полчеса у нас есть!
- Надо было время тянуть!
- Остановись! Останавливайся! – закричал Артур, он был на взводе.
- Они остановились.
- Выходи из машины. Выходи, кому говорят. Они знают, на чем мы ездим. Бросай! Я тебе новую куплю. Пошли дурак!

Виталик зашарил глазами по салону.

Артур разозлился.

– Сувениров захотелось?

– Да дай хоть документы возьму. О, влипли!

– Это было присказка, сказка впереди!

– Да ну тебя к черту с твоими сказками!

– Пошли скорей, мне еще надо деньги развести!

Они бросили машину, и пересели на такси. А дальше все как на карусели. Артур понял, что домой вернется не скоро, надо было предупредить бабушку, хотя бы, чтобы сегодня она спала спокойно. Сегодня был понедельник, и Зинаида Яковлевна раньше вернулась с базара. И вот еще Артур решил, что нужно всем обязательно дать денег. Прежде он родных не баловал, а здесь он понял, что надо. Именно необходимо и не потому что их целая куча, а из-за того что вот разверзлась пропасть. Чем черт не шутит? Прежде, Артуру казалось, что смошенничать и украсть ему будет легко, так и вышло, а вот что потом? Как предусмотреть все последующие шаги? Он даже не представлял, что повернуть аферу только половина дела. Да что половина, и того не будет. Да, Артур был не Раскольниковым, он не мерил, не вычислял, не взвешивал, ему было плевать. И вправду он рассуждал как король, что может свернуть гору, а что потом делать с грунтом, как потом, за собой убирать король не ведает, королю не надо за собой прибирать, все уберут слуги. Но так вышло, что пока у нашего короля слуг не было, пришлось Артуру пошевеливаться самому. И сначала он бросился к себе домой. Зинаида Яковлевна не поверила, что все хорошо так Артур носился по квартире, а когда дал ей двадцать тысяч она расплакалась.

– Куда тебя черти несут? – говорила старуха. Стой! Что ты как на пожаре! Что случилось? Господи! – воскликнула она в сердцах и посмотрела на икону Николая Чудотворца. Но святой ей ничего не ответил, только слал благословения.

Артур закрылся, в ванной, там под старой чугунной громадиной у него был тайник, и он спрятал в него сто тысяч. На всякий случай. Все равно никто не догадается, а так если схватят, будет старухи, за что ему в тюрьму передачи носить.

– Дай я тебя благословлю! – сказала Зинаида Яковлевна.

Артур подошел к бабушке. Она сняла с полки икону. На Артура посмотрел пустой фарфоровый заварник, где должны были лежать бабкина пенсия.

– Я деньги, брал, – сказал Артур. Вот тут из заварника.

– Да Бог сними.

– Нет, положи туда на место.

– Зачем?

– Нет, положи на место, – разнервничался Артур, у него не было под рукой мелких денег, а лезть пре бабушке за деньгами в пакет он не стал. Побоявшись, что вид огромных денег окончательно добьет старуху.

– Дай мне деньги, – попросил Артур.

– Да ты что с ума сошел? – заплакала Зинаида Яковлевна и подала обратно внуку двадцать тысяч, Артур отсчитал, сколько взял накануне и положил на место в чайник. Остальные деньги положил рядом.

Старуха перекрестила внука и дала поцеловать икону.

Артур, претворился, сделал вид что целует и носом ткнулся в Чудотворца. И что-то шевельнулось в сердце, сделалось противно, за то, что даже здесь он нечестен. Бабушка отвела икону и глаза молодого человека и Угодника встретились. Артур скривился, Чудотворец застал его врасплох, словно он был живой и все видел. Но лик святого был такой светлый такой приветливый, что Артуру показалось, что он словно с ним заговорил о том, что я не сержусь, все знаю, и всегда тебя буду ждать...

Простившись, Артур выскочил из дома как угорелый. Да все было как на пожаре. И он, осознавая, что к его жизни подбираются языки незримого пламени, желал оставить своим близким пусть мизерное, но все-таки средство борьбы с пожаром которое уготовила ему судьба.

Следующий визит, Артур нанес бабушки Ольги. По дороге забежал в магазин и поразил продавца. Купил прямо вот с вешалками пять блузок и все вроде как разного размера.

Продавец смотрела на Артура как на сумасшедшего. Да и сам Артур не понимал, как так вышло. Он придумал первое, что пришло на ум, а именно, что придет к Ольге с предложением, мол, вещи, передать, которые она как будто у него случайно оставила и деньги спрячет, завернет в новые одежды. Опять у Артура мелькнула, что это примета, тайный знак. Но сейчас ему было не до толкований. Потом когда все стихнет он, где-нибудь приклонив головушку, отведет душеньку и в уединенном уголочке, все вспомнит, все взвесит и разгадает все тайны. А пока не настал срок биться над шарадами, надо было скорее уносить ноги.

На дно пакета он спрятал триста пятьдесят тысяч и укрыл обновками.

На пороге Ольги его встретили добродушно, улыбнулись. И волнение отступило, но на смену пришла грусть. И пусть он ловко все обставил и бабушка Ольги не о чем не догадалась. И радуйся, гордись собой, но Артур снова загрустил. И когда уходил еще долго заглядывал в окошко своей возлюбленной. И рассеянность, и печаль поселились в его сердце. Он не мог увидеть Ольгу, не мог на прощание коснуться ее руки, не сумел перед разлукой поцеловать, ту, что любил больше жизни. Чтобы нежный ее поцелуй, чтобы ее добрый взгляд согрел его в пути, оберегал как крест от ненастий. И так одиноко, такое вдруг отчаянье налетело на Артура, что как дитя тенит к защитнице матери, все естество его потянулось к сердцу и рукам его несчастной матушке.

И страшен и черен был его прием в родном доме, словно какая заброшенная разграбленная церковь был его дом. Вот с грязной почерневшей пленкой в место стекол, с распахнутой выломанной дверью, с не убранными комнатами полных не трезвых людей. Опять какая-то компания хозяйничала и оскверняла дом его матери. Артур набросился на них с кулаками, он хотел их всех растоптать, такое было у него потрясение, но услышал жалобный голос своей матушки. Она несчастная неухоженная всеми забытая лежала на полу в дальней комнате.

Артур еле сдержал слезы. Ему так вдруг стало проклятому совестно. Долгие недели, только и думая как обставит грязное дельце, он не навещался к своей матушке. И казалось, что ни недели пролетели, а целая жизнь и вот до чего дошло, вот до чего докатилось, мать его совсем не узнала.

– Не бей меня, – задрожала Лариса Алексеевна. И свернулась калачиком и закрыла лицо руками несчастная.

– Да я это. Сын твой, – воскликнуло Артур.

– Не бей!

Артур заплакал. С его матерью снова случился приступ, она сходила с ума или гости проклятые так над ней измывались, так не считали ее в доме хозяйкой, что надругались и бросили в угол. О проклятые!

– Мама, что они с тобой сделали? – воскликнул Артур и бросился поднимать Ларису Алексеевну.

И надо было уложить мать на чистую постель, обмыть, но вот проклятие вот наваждение, ведь надо было бежать, надо было спастись. И Артур так и оставил лежать мать на полу. Но впечатление от встречи, словно как страшное клеймо оставило на его сердце, не заживающую рану, которая будем надеяться, послужит началом пути к спасению.

А тогда он выбежал из оскверненного дома и был словно в исступление. Надо было помочь, но чем он мог сейчас помочь, когда надо бежать, когда надо спастись? Он знал, что порой, когда он подолгу не показывался на порог родного дома, даже вот кусок хлеба его матушки купить было не на что. Что она как бездомная, как безродная попрошайничает под

окнами своего разграбленного дома. Да какой он к черту король? Артур почувствовал себя паршивым принцем.

Он забежал в местный магазин, где его все знали и давали Ларисе Алексеевне в долг, а потом он расплачивался.

– Вот, возьмите, – напугал Артур продавца и подал десять тысяч. Матери моей, пусть ей будет на еду. – Вы приберите, а она станет приходить, и вы ей выдавайте продукты. Мне надо уехать. В командировку посылают. Выручите. Сами знаете, у нее кроме меня больше никого нет. Не надо ей больше попрошайничать! Негоже! Живой я не мертвый! – и выбежал и нос к носу столкнулся с Адамом. Вот как в сказке, словно он его поджидал. Столько Артур не приходил, что он сам пожаловал, и чувствовал же, знал же проклятый, что искать его надо у матери.

Артур не растерялся и ловко достал из пакета две пачки тысячными купюрами.

Адам разволновался.

– Вот возьми! Потом еще дам.

Адам взял деньги и стал пробовать запихнуть пачки в карман, но не выходило, и он спрятал их за пазухой. И сбежал.

VIII

У Артура, словно камень упал с души. Все счастливы! Да именно так, вот в чем и весь фокус. Волшебство страшное! Магия черная! Еще как говорить, не успело тело Господне остыть, а Артур снова желал быть королем.

Он уверенно и легко сел в машину, где его ждал товарищ по несчастью, и так себя почувствовал, так себя представил, что он и вправду король. Что он все ловко обставил. Что его теперь никто, не поймает. И что спрашивается волноваться и матушка перестанет побираться. Благодетель. Спаситель! Вот и Ольга, он позвонит ей и скажет, что купи себе что-нибудь, и она будет счастлива.

Оруженосец его трясется, сам только что говорил надо бежать надо спастись, а теперь Артур заявляет, поехали, обновим гардероб. Сменим костюмчики, говорит. Да, дела. Сказка, только взаправду.

– Ты с ума сошел- сказал Виталик. И меня втянул. Надо убираться.

– Я как оборванец ходить не стану! – бросил Артур. Мне с людьми разговаривать.

Виталик взялся за голову.

– Я всегда говорил, что ты на короля не тенишь, – бросил Артур. Вот поэтому дурачков все время играл.

– Лучше быть живым дурачком, чем мертвым королем!

– Ты еще скажи, что я еще бездушный! Ведь все счастливы!

– Счастливы?

– Хватит бояться! Бог помилует, черт не продаст!

– Черт не продаст черта!

Артур улыбнулся.

– Мне нравится. Мой роман «Нумизмат» о черте. Черт своего биографа сухим из воды достанет. Мне всегда, везло. Да я удачливый. Как вы считаете? – обратился Артур к водителю. Удача много значит?

– Удача? Удача от лукавого! Счастье от Бога.

«Как интересно. Повезло! – подумал Артур. Верующий попался! Не скучно будет ехать!»

И спросил:

– А что вы думаете, Христу, не когда не везло?

– Христу везло?! – удивился водитель. Нет, не думаю.

«Да еще и думать умеет, – подумал наш король. Э, брат, да ты находка. Если ты думаешь, значит, аргумент тебя заставит усомниться. А если усомнишься, заблудишься, а если заблудишься, не вернешься обратно. Значит голубчик ты мой».

Артур мистически улыбнулся, что-то необыкновенное всегда жило в нем. И теперь, когда он заработал, свой первый черный миллион стало выбираться наружу. Нет, нисколько он не хотел унижить или обидеть попутчика, что он, мол, ничего не знает, что, мол, он Артур превосходит его. Нет, тут было другое, более грандиозное. Скорее всего, Артур хотел, чтобы мыслящий человек встал на его сторону. Как какой-нибудь король собирает под своими знаменами армию, наш Артур хотел, чтобы водитель присоединился к нему мысленно, чтобы он стал думать как он. Даже нет больше. Страшной! Чтобы совсем незнакомый ему человек, думал, так как хочет Артур. Зачем это надо? Что за блажь? Пройдет несколько минут, и Артур выйдет из машины и может никогда не встретиться этого человека. Одним словом к чему пустые разговоры? И тот, кто так считает, едет в такси, и молчит, не заговаривает с прихожими на прогулке, молчит в очереди и так всю жизнь молчком. Но только не Артур, такие как он только и разговаривают и разговаривают, а потом вообще берутся за перо. Артур с детства знал силу слова и внушения. Эта великая мощь, его так манила. И пусть он больше не уведет никогда этого человека, он станет с ним говорить, он его покорит. И человек расскажет о нем другому, а тот в свою очередь третьему. Назовет его имя, озвучит мысль. Вроде как мелочь, но если копнуть, штука тонкая, такой фокус, на котором все и держится. Весь мир! И какая мысль добро или зло одержит верх и зависит жизнь на земле. И что самое главное считал молодой человек, первостепенное, не за деньги тебя будут любить и помнить, а вот если сами согласятся с тобой, примут твою правду за чистую монету. Ту самую чистую, что пришла с истиной, и только уже потом на этой монете объявился портрет царя самозванца.

– С вами интересно, – приветливо сказал Артур.

– Спасибо.

– Меня зовут Артур, – спокойно и без величия сказал Артур, не придавая своему имени оттенка, словно что-то замышлял, так, словно ему было что-то известно. Он подсмотрел, узнал имя водителя. Оно было написано на визитке, прикрепленной к панели. Артур прочитал и придумал план.

– А меня Александром, – представился водитель.

– Как короля! – восторженно сказал Артур. Александр великий не ваш родственник?

– Нет, не приходилось встречаться, – рассмеялся водитель, но вот в чем фокус, ему польстило, что его сравнили с великим полководцем, покаравшим мир. И Александр в знак благодарности за хорошее настроение решил сделать приятное в ответ. Молодой человек ему понравился. Интересуется большими вещами, наверно много читает в отличие от сверстников. Отпускает комплименты. Другими словами толк выходит из парня. Слава Богу, не все потерянно. А говорят у нас молодежь бестолковая!

– И у вас тезка знаменитость, – улыбнулся Александр.

– Да, говорят, был такой король, – скромно ответил Артур. Но про вашего больше известно. Герой! В честь него называли города. Столицы! Великий человек был. Если не остановили бы, весь мир к рукам прибрал бы.

– Да, – вздохнул Александр. Королю всегда подавай больше, чем сможет сесть! – сказал Александр и вот опять фокус, ему по-человечески стало стыдно за своего знаменитого тезку. Наверно действительно был приличный человек, или еще лучше обиженный.

Это почувствовал Артур, даже не почувствовал, а ощутил всем своим естеством. Откуда-то он мог чувствовать больше чем другие и, разведя огонь, стал подливать в него масло.

– Кровососы! – бросил Артур.

– Да, – согласился водитель. Не правильно когда у одного все, а у другого только крошки.

– Да и согласен с вами, – сказал сочувственно Артур. Но опять претворялся. Он, то знал, что с королями все не так просто как кажется, что не лопать хочет король, а покорять, но ему нужно было поддакивать, и он говорил, то, что было приятно собеседнику. Александру на вид было за пятьдесят, и это тоже был козырь Артура.

– Старики говорят, – сказал Артур, – сейчас ни то, что раньше. Образование платное! Здравоохранение и вообще! Развалили страну!

Александр преобразился, словно разговор зашел о самом наболевшем и так он истосковался по тому, что потерял и так обрадовался, что его поддерживают, что Артур для него предстал как добрый волшебник, который преподнес ему на золотом подносе любимое блюдо. Да что там еда, Артур так невзначай напомнил о счастье, о молодости. Все Артур стал для Александра если ни иконой, то точно единомышленником.

– Да что старики! – взорвался Александр. Они после войны любой мелочи радовались. А вот мы жили! И жили хорошо, ни то, что сейчас. Демократы! Перестроили!

– Кто мешает? Надо все вернуть! – выкрикнул Артур и притаился.

– Да где? Да как? Революция?! Хватит, повоевали! Вот вам молодым и все карты в руки. На вас одна надежда!

– Не дают, – грустно сказал Артур. Не пробьешься! Везде папины сыночки. Олигархи! Обрамович гадюка!

– Вот это точно, – сжал руль Александр. Обокрали страну! Мошенники проклятые.

– Да мошенники, – выкрикнул Артур. Разговор ему доставлял какое-то прямо неслыханное удовольствие. Так словно черт сидел у него за спиной, и они на пару посмеивались над сердечным Александром. Например так: «Хе-хе! О, простофиля!»

– Благодарствую автор, продолжайте хе-хе!

Артур еле себя сдерживал, чтобы не расхохотаться. Да Александр его не забудет и он еще раз решил сделать себе приятное и повторил:

– Мошенники проклятые!

– Сволочи подколодные, – заревел Александр и стукнул кулаком об руль.

Виталик молча наблюдал за спектаклем, он и раньше замечал, что Артур любил верховодить, но после того как у него получилось первый раз всех по-настоящему обхитрить, ему стало доставать удовольствие вводить в заблуждение. Строить из себя что-то неслыханное. Артур стал увлекаться, решил, что ему все можно, что ему под силу теперь любого надуть. Успех и безнаказанность кружила Артуру голову.

А когда приехали и выходили Артур, окончательно добил Александра, в место положенных за проезд трех сот рублей протянул ему тысячу и сказал, что задачи не надо.

Александр растерялся.

– Берите, – ласково сказал Артур. Мы должны помогать друг другу. Я тоже теперь мечтаю, чтобы было как раньше. Вы мне глаза открыли. В знак в благодарности. От души! От чистого сердца. Не обижайте.

Так тепло с такой любовью проговорил каждое слово Артур, что Александр, не мог отказаться и взял.

– Артуром меня зовут, – на прощания сказал молодой человек, но только теперь его голос был иным такой, что говорит, слушай меня, присягай мне неверность, я твое все, я спасу тебя.

– Я запомнил! – ответил Александр с восторгом в голосе, так что словно и, правда, незнакомец для него теперь отец родной. И вот еще фокус, пожалуй, самое страшное. Стал человек думать, что и не только счастье, но удача от Бога. Что врут, наговаривают, что удача от черта. Как же так? Вот какой ему встретился добрый человек, разве это не удача? И хлеб есть, за что купит! Да и удача от Бога. Он его не забудет. И, правда, да что, правда, он истина как король Артур.

– Прощайте! – сказал Артур.

– Да может, еще увидимся?! – прямо с грустью сказал Александр, ему не хотелось разлучаться с «настоящим человеком». Да и бесплатно, он его стал бы возить.

– Бог даст, свидимся!

– Говорят земля круглая, – вдогонку послал Александр.

– Говорят и раки умеют свистеть, – подумал Артур. – Только никто не слышал!

Но не смог отказать себе в удовольствии и на прощанье Артур повернулся и взмахнул рукой, словно как благословлял, и говорил, что помни меня, я твой король!

И думал человек, что запомню, грех такого не забыть.

Настроение у Артура было великолепное. Он только, что не летел. Ему хотелось призов. Он желал трофеев за свое выступление. Как актер после спектакля ему захотелось, чтобы его игру оценили по достоинству.

– Как тебе шоу? – весело спросил Артур.

– Игра или смысл?

– Все разом. Согласись, какая мощь. Волшебство! Он же теперь истина уверовал, что удача от Бога. Он теперь меня Богам считает, но если не Богом, то единомышленником. Но я сильный, я молодой, если, что он уступит мне. Он у меня в кармане.

– А я тоже у тебя в кармане? – тихо спросил Виталик.

– Ты опять за старое! Мы друзья. Я куплю тебе телефон. Нет, прости, я подарю тебе телефон.

– Еще бы ты не купил. Ты сам его выкинул. Это твой долг!

Артур улыбнулся.

– Соображаешь!

– Это ты привык, что вокруг тебя одни дураки. Мы выросли, я изменился.

– Ты изменился?! А мне кажется, ты остался таким же.

– Когда, кажется надо креститься!

– Хорошо, раде тебя скоро, начну, – рассмеялся Артур. – А теперь Санча вперед!

– Я в таком виде в магазин не пойду! – ответил. Виталик и, правда, он был грязный как трубочист и с разорванной штаниной.

– Какие предрассудки! Деньги открывают все двери, а с мозгами покоряют мир. Мы короли!

– Да, только у тебя как всегда костюмчик лучше.

– Я не виноват, что тебе всегда выпадет играть прислугу.

– Вот и я про то! Все снова решат, что я твой холоп. Надоело. Сказал не пойду. Купи мне телефон. И уезжаем. Накликаешь беду. И деньгами не швыряйся. Ты как с луны свалился! На тебя все смотрят!

– Ладно тебе! Пронесет. Даже мат, не беда.

– Ты знаешь я не граю. Это ты у нас чемпион школы был.

– Да, но я бросил. Даже специально забыл, как играть.

– Почему у тебя же хорошо получалось?

– Бесперспективно, это все. Скучно! Но шахматы игра по истине великая! И что вообще это игра олицетворяет, ты хоть себе представляешь?

– Не думал.

– А ты подумай все просто. Ведь это борьба добра со злом. Ведь это гениально, даже обыкновенная пешка, может превратиться в такую силу, что будет способна поставить под угрозу самого короля. Но и мат ведь это не конец. Мат, ведь это начинай сначала. Как круглый стол короля Артура. Все равны, все безоружны и у всех есть права голоса. Я всегда думал почему? Это великая тайна. А еще интересно, ведь всегда есть король. А что этот король в шахматах – да ведь это истина. Провозглашения истины делает тебя королем. Не убийства! Понимаешь в чем фокус. Настоящий король не может быть убийцей. Это ошибка всех королей полковод-

цев. Нельзя мечем и огнем завоевать мир. Это заблуждение. Поэтому Раскольников Достоевского все равно тварь дражайшая, даже потому что по стопам Наполеона хочет идти. Ведь при всей своей гениальности Наполеон был свергнут. Наполеон пал. И Александр Македонский завоевал только полмира. Значит и Раскольников, пал бы. Его формула бред, так думают только недоучки. И он у Достоевского студент. Имею ли права? Да ведь это бред. Каждый имеет права стать королем. Вот как в шахматах обыкновенная пешка может превратиться в ферзя. И почему только в особом случае, может она только за тем в шахматах и существует? А все только и думают, мол, пешка ничего особенного! Вот слон или конь вот, мол, сила! Ну-ну! Так только могут считать профаны! Мастера знают, что такое пешка, какая это грозная сила! Вот и «Преступление и наказание» я всегда знал, что не только про раскаянья и муки великая книга. В ней какая-то скрыта тайна. Достоевский, что-то спрятал в ней. Там какой-то ключ. Золотой ключик! Вот и в шахматах намек. Но он мне не как не открывается. И вот еще, в шахматах черточки, линии, клетки, шаги, все как в жизни. Да ведь шахматы это своего рода модель возникновения новой цивилизации. Даже больше того если хочешь нового времени! А может того самого времени, самого знаменитого после которого больше времени не будет! В библии говорится, что только за чертой тебе откроется истина. За какой чертой? Не смерть та черта! На том свети, не правят короли. На небе Бог. Ведь истина короли на земле. Достоевский знал тайну, ему открыли! Но почему он скрыл, самую великую тайну на свете? Только представь себе, Достоевский мог такое.... А нет, не сказал! Почему? Для чего?! Может, просто еще было не время?

– Рассказываешь интересно. Одно напрашивается, если так рассуждаешь и преклоняешься перед шахматами, почему тогда бросил?

Артур рассмеялся.

– Да ведь это просто как все гениальное! Ни что не сравниться с жизнью! Я хочу секрет, а его только можно заполучить наяву, а не в настольной игре пусть и самой гениальной! Ведь шахматы навсегда только и останутся моделью. Я вырос, мне надоело двигать бездушные фигурки, – и Артур загадочно улыбнулся.

Виталик вздохнул.

– И ты захотел править людьми?

– Ну почему сразу править. Делать их счастливыми.

– С помощью обмана?

– Почему сразу обмана?! С помощью дара! Я знаю, у меня есть дар. И этот дар в словах и улыбке, – и Артур улыбнулся и так светло прямо как Ангел, что даже Виталик, который знает, что он его обманывает, не выдержал и улыбнулся ему в ответ.

И Артур запел:

– От улыбки станет всем светлей, от улыбки в небе радуга проснется, поделись улыбкою своей и она к тебе не раз еще вернется! Ведь это же гениально. Ведь это же песенка про истину. И она совсем не детская. Наполеоны дураки! И Раскольников был дурак. Не убивать, надо было старушку, а улыбнуться и она отдала бы ему все деньги, еще и спасибо сказала. И ты, даже будучи грязный как черт, предстал бы, Ангелом если мог, по-настоящему улыбаться. А если вдобавок приплел бы историю. Так вообще с тебя и деньги не взяли бы. Вспомни ребенка, он улыбается и рассказывает небылицы и ему все прощают, на него налюбоваться не могут. Знают, что лжет, а все равно милуют. В улыбке секрет мироздания. Тайна великая. А Раскольников топор готовил. Надо было улыбку оттачивать. И кто он после этого? Но Достоевский не дурак. Достоевский гений! Достоевский знал про улыбку и еще кое, что... Он не мог самого главного не знать, по крайней мере не догадываться. А вообще ты когда-нибудь размышляли над тем, что Раскольников был своего рода Антихрист – мятежный Ангел? Спросишь почему, откуда у меня такая мысль? Вспомни сам, ведь зачем и почему Раскольников решился на убийство? Ведь Раскольников в своем роде хотел благоденствовать мир! Мол, подумалось, противная ста-

рушения только и знает, что людей проклятая обирает. Ну что с того, зачем ей жить?! А так польза всем. Раскольников выучится, станет людям помогать и выйдет из него своего рода благодетель. А почему мятежный Ангел спросишь ты? Но ведь как его все обижали, до чего спрашивается, довели, что он на убийство решился. Ведь очень удобно думать, что Антихрист это тот, кто против Христа. Совсем и нет, Антихрист это своего рода оскорбленный гений, который во имя добра сотворит вселенское зло. И вот что Соня проститутка, ведь это тоже гениально! А Федора Михайловича за это некоторые ругали. Мол, как грешница наставляет на путь убийцу и Евангелие ему читает? Ведь это, мол, неслыханно! Да приключение.

И вообще если только прикинуть и Рафаэли и Бетховены своего рода Иисусы, но не, то чтобы прямо как Иисус Христос, а как бы, потому, что приходят в наш мир, чтобы по средствам творческого подвига – своими произведениями очистить общества от греха. Одним словом миссия. Но ведь так, ведь так! Только почему-то все об этом помалкивают. Церковь не велит! Но что, та церковь – рабы! А гений не раб, гений – творец, гений- мечтатель! Только Моцарт мечтал пролить божественный свет на землю, а другой... Но как бы там не было выходит, что любой гений в своем роде может быть потенциальным Антихристом, способным на мятеж! Пусть то тебе покажется абсурдом но вот Христос! Христос гений причем самый великий, а кто знает, может он тоже в каких мыслях не соглашался с Богом и все переиначить желал, и пойти, совсем иным путем, чем ему было положено. Кто-то скажет, что путь творит Господь! Не знаю, может оно и так, но вот пойти другим путем, всегда остается за человеком, если конечно он не раб! И вот Христа окружала среда, он рос, не мог же он не сталкиваться не справедливостью и прочие. Да может нам, поэтому ничего о земной жизни Христа и не поведали. Только написали, чтобы, мол, не отвлекать плотью. Предлог тоже мне! А может это вообще, только навредила. А? Да, определенно породила, сомнения. Какой такой Иисус, был или не был? Приходил или не приходил?! Спаситель то был или может вообще, какой проходимец. Авантюрист! Устроил анекдот! Что ему было чуждо, что не чуждо. Кроссворд, одним словом. Так был Иисус Христос или нет, спрашиваю? И я тебе скажу, что явно был! В принципе, чтобы не быть не мог. Слишком шума уж много. И первостепенно, что уж слишком Христос был гениальным не от мира сего! Но тогда если был, и как бы там не было, он был человеком, пусть самый и необыкновенный. Остуда следует, что его не могло не волновать все мирское да вот, к примеру, и женщины! Да, вопрос вроде как озвученный и столько раз, что наверно и звезд в полную луну столько не отыскать глазами. Но все равно, вот снова и снова притягивает он как магнит. Вполне возможно, что так и надо, чтобы волновало, чтобы обращало, чтобы зарождался и начинался благословенный разговор. Ведь истина, чтобы к чему-нибудь прийти, я вот верую надо разговаривать, надо спрашивать, обязательно и непременно. Верую если Христос сын Господа, не может, чтобы однажды, если ты этого желаешь, если тебе это необходимо, чтобы он не пришел в твое сердце! Да если и не сын, да если черт знает что, все равно не бросит, не должно чтобы отвернулся, верую, что подаст знак. А если сильна будет вера твоя, истина, что должна быть награда. Я думаю, может, человек прежде должен покаяться и принять Христа в сердце как спасителя! Да, истина в покаянии весь и секрет. Но в каком покаянии, где это мера? И что это за такие весы, куда положат твою душечку и взвешивать станут? И видно тут все ой как не просто, ой как серьезно дело в покаяние состоит. И вот еще, так ведь очевидно, что покаяться и раскаяться вроде как будто одно и тоже, а в тоже время между этими словами целый океан простирается. Рассказал нам Апостол Матвей про сад, где Иисус взывал к небу: « Мол, может его миновать, сея чаша? » Интересный инцидент. А? Сам, небось, вопрошал, а потом после таких-то вопросов, небось, сам и каялся. Каялся, каялся! Не мог, чтобы вот не каяться! Ведь собственно как бы люди каялись бы, без примера? Безусловно, они и до Христа каялись, да раскаивались, и открывалось им. Собственно, откуда все эти Исаии да им подобные взялись. Что ж они никогда прежде не сомневались? Не поднимали глаза на небо, не ждали ответа, не ощущали, не чувствовали? Конечно, чувствовали, опре-

деленно ощущали. И страдали и мучились и спотыкались. И может, в каких приступах даже отрекались! А потом омывали землю слезами и раскаивались! Потому что вот истина верую что есть, должно быть, такое поистине необыкновенное, когда с небес к тебе в лице Ангела милость Господа будет послана. Не может, чтобы сие знаменательное, да ведь истина это все ровно, что день рождение. Да это должно быть чудесно, должно что-то такое прямо не земное, да и не может быть земным, потому что с небес вот словно почтовый необыкновенный голубь в твое сердце счастье несет. И если подобное хоть раз испытаешь, ни что и некогда мне так видится, потом более не сравнится с этой радостью на земле. Может с Иисусом никто, поэтому, никогда и не сравнится, потому что как бы Христу не было бы плотью страшно, как бы его сатана не искушал, он знал, что от его выбора зависит все и всё потому и не свернул! И поэтому Иисус навсегда останется Эверестом. А что делать вот если дождался, вот если сотворилось счастье необыкновенное, а потом вот нужда да другие земные невзгоды заставляют выбрать скользкий путь и стать, таким извините сделаться гражданином которого не пулей, не хитростью не одолеть? Ведь со счастьем с радостью тебе открывают великое. Знаешь у меня почему-то, вот гений отождествляется с Ангелом, вот прямо так и стоит перед глазами. Словно небесный Божий посланник, принеся тебе благодатную весть, окрестит тебя и ты вот пусть, и будешь на земле, а вот все ровно теперь как бы становишься Ангелам, носителем истины. И вот если беда, ведь какой бы он не был он Ангел. И даже отрекшись, Ангел. Но почему иза чего отрекся, не просто потому, что ему посланники небес перестали являться, а может потому что, ему не помогли укрепиться на земле? Именно, что на земле! А кто не помог, кто не подержал, ведь сами люди, а если Ангела предали, то грош цена земле. Но шанс спасения всегда должно быть! И все силы и земные и небесные и подземные будут бороться. Бог придет на помощь, и дарует спасение, в любви к чистой деве, что должна будет наставить, заставить отказаться Ангела от мести. Не выйдет, тогда спасение должно будет исходить от самих людей в лице кающийся грешницы. Если и здесь не выйдет явиться черт и свою супружницу ведьму предложит. Булгаков как бы выкрутился, показал, но мы сейчас не про Мастера который по большому только отчаялся. Но тоже еще не факт, Мастер, то может и отчаялся, а Булгаков, то может и желал Судный день, зато, что его не печатали и прочие, но видно было еще не время, то и явился у него Христос, чтобы спасти! Черт его знает! Вот действительно. А вот у Федора Михайловича ведь никто, не задумывался. Я не в одной критической статье не читал, вот у Раскольникова была же невеста. Но ведь, же была, и он собирался жениться. А невеста та была не простая: больная да замученная. И голову даю на отсечение, что была та девушка девственница. Но вот оказия умерла бедная и вот вам, пожалуйста, Сонечка грешница на сцену вышла. Да не, а бы как, а с Евангелием, да с призывом пойти Роди, да на площадь перед всем честным народом на колени упасть, да покаяться. И что вы хотите сказать это все так случайность, или блажь автора так сказать? Для пикантности! У Достоевского-то? Ну-ну. Одна только у Достоевского случилось промашка в его сказке о мятежном Ангеле. Убийство дело совсем ни Антихриста, а так всего лишь на всего разбойника с большой дороги. И потом руками, о как то мелко! Христос творил с помощью веры и мысли! Как будто Достоевский, Данте не читал?! Ведь есть грех, страшнее убийства. Но думаю даже Данте того не знал, какой он то самый, самый страшный грех!! Или может, Раскольников, не какой не Антихрист, а вот только заготовка, намек! А? А почему в сказке, спросишь ты? Там реализм, за это Достоевского и причисляют к великим. Думаешь, я считаю иначе? Я считаю иначе?! Да упаси Бог. Достоевский великий, только... Почему он не сказал, что сам бабушку и кокнул, или хотя бы возжелал всем сердцем, и топор наверно собственноручно готовил. Так многие думают! Сам понимаешь, раскался и тут же струсил признаться и рассказал всему миру о Раскольникове, мол, был такой молодой человек. Выходит Достоевский, какой бы не был великий, а все же трус. Или не трус? И все эти бредни, что Достоевский убийца так сказать все лишь плод впечатления, которое мог производить гений великого художника и психиатра на читателя. Да так собственно оно

и есть. Но главное ведь в том, так мне видится, что так надо было написать. Вот именно, так и не как иначе, словно для всех, и в то же время специально для кого-то. Тогда напрашивается, что это за афера? Испытать такую нервную болезнь, которую перенес Раскольников, раскается и ничего взамен не вида прекрасного, не вам блаженства не вам очищение! А конец романа так вообще полное издевательство! Вот тебе дословно: « Он даже не знал, того, что новая жизнь не даром же ему дается, что ее надо еще дорого купить, заплатить за нее великим будущим подвигом...». Это, каким еще я спрашиваю подвигом? Да Раскольников и так наизнанку всю душу вывернул, достал и рыгнул всю мерзость, что душа вобрала в себя от проклятой среды так после этого он еще кому-то должен? Если только подумать, и нет ни какого Бога на свете. Так все выдумки! Только и делал Федор Михайлович, что пугал! А Бог это не страх, Бог в первую очередь любовь! И вообще можно подумать, что Достоевский специально для общества и правительства свой бессмертный роман написал и героя Раскольниковым обозвал. Чтобы для одних сложилось впечатление, что смотри куда, мол, катимся, раскол между верой и нравственностью, помогай, спасай студенчество, а для других „Право имею или не имею, Наполеон я или не на не Наполеон?“. А вышло что тварь дрожащая и на каторгу загремел за мысли такие. Царь доволен, никто смотри после страстей таких, его не подвинет. Условно конечно. Все ровно свергли. Но опять же, изменилось лишь только названье. А согласитесь, суть вещей от названья не меняется. Но в целом тогда общество было, где довольно, где возмущенно, но истина, что равнодушных людей было мало, вроде как задел, что не наест за самое живое и прочее и прочее. Молодец Достоевский, всем удружил! Но ведь это, же бред! Гений на то он и гений, что принадлежит небесной канцелярии. Да если и не принадлежит, но ведь факт, что истину знает. Мне видится, что именно так было надо написать, чтобы выскочек напугать, чтобы просто людей спасти. Вроде как бред, а в то же время обыкновенно и просто. И вообще все люди гении только не все могут гения в себе открыть. Но думаю что это страшно, вот истинно мне ведется этот кошмар, потому, что там за чертой, за которой открывается истина, будет ждать тебя не одно прекрасное. А вот в том то и дело что все, правда. То Достоевский наверно в чем-то раскаялся, то перед Достоевским ворота рая распахнулись, и он блаженство испытал и ему самую великую тайну открыли. И Раскольников его, поэтому на гениальность права имеет, да потому что ведь по сути, это и есть Достоевский, так сказать одна из духовных составляющих гения. Ведь истина гений не может быть однополярным. Гений на то и гений, что он вбирает в себя все и скорбь, и виды прекрасного от (созерцания рая!) И только на первый взгляд в бестолковой статейке Раскольникова, я бы сказал, что статейке зашифрованной и специально Достоевским, не делающим на нее упор, для кого предназначено поймет, а написана она мне кажется для наследника, есть удивительное необыкновенное течение мысли. Если в целом как бы бред и ересь, но если... Да вот сам послушай, что говорил Раскольников: „Огромная масса людей, для того и существует на свете, чтобы наконец через какое-то усилие каким-то таинственным процессом, посредством какого-нибудь перекрещивания родов и пород, поднатужится и породить на конец на свет...». Ведь истина что про скрещивание интересно. Ведь истина, что кровь может явиться кипучую смесь. И согласитесь у нас на Дону, куда не посмотри, одно подтверждения. И Краса, и мысль, и самая главная дух вольницы! Только и твори природа особую бражку, да пои ей своих сыновей непобедимых степей!

Дальше и в основном Родя начинает нести бред, потому что разделяет гениев на великих и простых и завершителей человечества. Может гений и прост, но в этом его величия. И прикончить человечество может тоже любой гений, а если в команде то так вообще. Доказательства атомная бомба. И конечно наиполнейший бред, что люди делятся на обыкновенных граждан и особенных. Все необыкновенные, если вот хотите как отпечатки пальцев. Да и выходит, что все короли. Одним словом он студент недоучка, в чем лично в конце и признается, говоря, что в реторту, в которой все происходит, он не заглядывал (то Достоевский в нее смотрел), но в конце сказал вещь, что должен быть определенный закон. И истина закон должен быть

и настолько простой, вот в двух словах. Есть мысль, но пока не скажу, надо доказательства, неоспоримые, ни такие как у дурака Раскольникова. Не знаю, откуда, но мне видится, я докажу. Представьте всего лишь два слова! А как доказать? А доказать можно только на примере собственной жизни. Иначе не поверят. Я много думал, даже вот о том, что если не заставили бы однажды молодого Достоевского подняться на эшафот, не подвергли бы унижениям, стал бы он тем, чем явился? Но самое страшное и грандиозное, как и почему выходят падшие Ангелы, а затем из оных наконец-то возьмется истинный Антихрист, такой который и обратит свет во тьму, растопчет прекрасное и обратит Божию любовь, в праведный гнев который выльется концом всего! Именно такой что не просто там как какие-то отчаявшиеся гении, а такой что целенаправленно, то есть сознательно с первых шагов жизни пойдет страшной дорогой. И знаете, – молодой человек загадочно улыбнулся. – Мне кажется, я уже близок к открытию. И вот еще, почему сразу страшной дорогой? Может, его путь благословлен. А? И то, что, мол, у Антихриста обязательно, должна быть войско и ресурсы есть бред! У Ангела в первую очередь слово, «Слово Господа», а если у тебя будет такое слово, у тебя будут и армия и ресурсы. Но и они тебе не к чему, ведь словом можно убить, а каким словом, словом истинны! Что конечно ничего не может быть страшней! Но следует, что «Антихрист это тот, кто и право и слово имеет и летает на грехе!» Прямо как в какой сказке! А может оно только кажется, что в сказке. И вообще вы знаете еще неизвестно, кто мертвый, а кто живой! «Мертвые души» Гоголя. Интересное, правда, название! – улыбнулся молодой человек и опустил голову, но вот быстро поднял и так как-то даже престранно сказал:

– Очень даже одно время запрещали, так называть. – А вообще кто ведает? А может Гоголь- Ангел и он прилетал, чтобы сделать мир живым, а вот и не вышло, он с ума – то и сошел! И мир так и остался мертвым! А?

Но опять же, Антихрист! Произнесешь, и все ничего страшней представить себе не могут. Но вот ведь в чем фокус Антихрист или как бы там его не назвали, он есть плод человечества. Он будет не с другой планеты! И что же может то нас спасти? А? Никогда не задумывался, почему именно Раскольников просит читать про воскрешения Лазаря? Какое такое воскрешение спросили бы до раскола? Человека или дел его? Ведь истина до раскола и вообще, ранее писалось иначе, все было иначе! Ведь в том и дело, что Достоевского в первую очередь волновали добрые дела молодого человека, которые имели место быть наряду с чудовищным поступком. Да, дела, а у кого делишки! По делам твоим будет тебе и награда! А ведь Раскольников был двуглавым! Одна голова гениальная Достоевского, а другая, а другая для всех. И вообще может ли церковь взять и кого-то признать плохим или хорошим, имеющим право, или не имеющим? Этого отпевать, этого почитать, одного хоронить в усыпальнице, а другого как безродную собаку за оградой. И тем более отлучить! От кого, от Бога?! Взять и сказать, ты, мол, не угодный! Кому Богу?! Каждый Господу угоден, даже самая последняя тварь. Ведь истина все твари божьи. Да же вон того змея искусителя, а ведь не оставил без надежды, мол ползай до скончания веков. А когда придет конец веков, там посмотрим. Но ведь окончательно, никого не отлучил. Господь, видно мудрее, или вот еще забавней человечней, нас людей. Но в принципе так и должно быть и иначе на что собственно надеется. И истина только Бог, и только он знает, о последней мысли моей, да даже если я и промахнулся да даже если и страшно. Да даже и так согрешу, вот если совершу самый страшный грех на свете, вот такой что ужасней некуда. Кто кроме Господа моего имеет право меня от церкви Его отлучить? Это где же про такое право написано?! Если церковь надежда людей в Господа на земле, как же самую главную заповедь Его можете нарушать? Возвышаться! И над кем выходит, вы возвышаетесь, если человека от церкви Господней отлучите? Выходит что над самим Богом! И что самое ведь страшное церковь отлучает тех, кто, по сути, заблуждается! А кто меня знает, может я на донышки своей души жажду, да так хочу узреть, что вам и не снилось! А может я уже... А все только и норовят прикрыться, тем, что, мол, отлучаем, во имя спасения человечества! А кто его знает,

может я сам спаситель, у меня на лбу не написано. А что в душе у меня кто ведает? Да никто дна души не видит кроме Бога! А все ярлыки повесить норовят и в отступники записать! Да вот Виталик, пожалуйста, сам Патриарх, так мне с экрана вчера и сказал: «Будешь ересь распространять, отлучим тебя молодой человек!» И в глаза заглядывает! Вот истина так и было! Может я того, помешался? Но ведь истина, начнешь думать, о чем-нибудь эдаком, так в туже минуту над тобой и закружится! А что мне собственно, бояться, кроме высшего суда? Ну да, Патриарх, мне угрожал! Причем лично! «Граждане, где заявления на Патриархов принимаются, в какое окошко?» Ах, доказательства! Да, пожалуйста. Вот истина это было сегодня, по первому каналу показывали что-то около десяти утра по московскому времени. А в конце Патриарх взял в руки свечи перекрестил и мне послышалось: «Изиде!» Я так со стула чуть и не упал! А если упал бы? А если руку сломал бы? Такие страсти! И откуда? Из дома Господа нашего?! Мне так видится шутки, шутками, но с экрана грозит отлучением. . . . А было воскресенье, сидит вся Россия и завтракает перед телевизорами! Да подумалось ей что-нибудь эдакое! А ей тут «Отлучение». Это так, все и не только со стульев, с облаков Ангелы начнут валиться. Вот видно мне на голову и свалился! И говорит: «Иди, мол, подтверждай, что не отлучим! Мы, то точно!» И улыбнулся. Вот я и пришел и иду! А до чего дойду? Это ты меня простите, не от меня зависит! Не знаю от кого, может от людей?

– Что за дикая мысль?! – воскликнул Виталик. Ты договоришься! Ты кем себя возомнил?

– Да не кем, не кем, да даже если. . . . А мысль моя гениальная, а кажется дикой только потому, что в разрез идет привычным укоренившимся вещам. Но если только представить, ходил я дурак вокруг церкви по часовой стрелке, а потом против, а потом снова по часовой, а потом вообще устал, и спать пошел. Ведь главное, с какими я мыслями спать отправился, с какими делами на сердце и душе глазонки свои закрыл. А? И может у меня вообще, руки нет, и я культяпкой креститься стану. Что с того? Да хоть я и на столб маляюсь! Что с того? Что я право иметь не буду на встречу с Ангелом благодетелем? Истина, истина, это какая-то абракадабра. А?

Достоевский, бесспорно, ведал слово. И блаженные да сумасшедшие у него ой неспроста, ой неспроста! А в имени Соня – намек да подсказка для тех, кто читает книгу, а не видит, там извините меня фигу. Все Раскольников Сонечку юродивой зовет. А какая у нее фамилия, ну все ровно, что мед, только на оборот. Что-то я путаюсь! Толи лад, толи рад! Но в основном, мармелад это мне видится, что падение! А как собственно иначе? Кто-то не согласен, что Достоевский великий русский писатель? Ладно, я без роду и племени, черт знает кто! А если вот явись сейчас Достоевский и скажи, да не своим голосом: «Мармелад – сие есть падение! А то кто думает, что сладкое, значит спасение, дурак, окончательный! Но пришел миловать, потому, что мне одним дураком меньше, одним дураком, больше все ровно! А вот если могу, чтобы ты узрел. Так слушай и узри! Есть у тебя жена- мед, а ты таскаешься по девкам, да в дома черт знает какие, заглядываешь, так сказать на огонек, хе-хе!»

– Ах, – молодой человек вздохнул. Не знаю, что со мной Виталик порою делается! И спросит кто-нибудь меня: «Где ты только этого нахватался, в каком таком королевстве? Ах, там, где кушают мармелад? Да ты значит того, значит вероотступник и прочее. . . . Ишь грамотей! Баламут! И откуда, только такой на наши головы взялся, из какой ямы выскочил? Вот действительно, что черт! Да и без тебя все знали! И что жизнь за морем худо и вообще. Поэтому Достоевский русский писатель, а не их! Правильно Достоевский сказал, они с жиру бесятся, кушали бы мед, жили бы с женами родными!». И прочее и прочее. Но позвольте! – возрожу. Я в России родился! За морем не бывал! Да и вообще, что Достоевского, перевели на английский, чтобы они свое так сказать падения признали, и что мы лучше всех? Нет, это истина, истина какая-то абракадабра! Но честно, мне не это интересно! Мне интересна, что юродивая. Мне почему-то представляется целое течение, да что течение океан, и не тот соленький, а вот небесный. Кому намек, а мне прямо так: «О, дурак, когда ты уже у нас превратишься?!»

Истина верую, что Достоевский мне так однажды энергически сказал! И я понял, открыл, что это близость, духовная близость, Сонечки к той стихии, которая скрыта от дураков, но открыта чистым сердцам «детिशкам» и блаженным духом». Да, да те самым, что по сути, Ангелы! Забыли мы, что у гениев и муха просто не полетит, не говоря уже о птице. И остуда следует, знал Достоевский про Ангелов. Не мог он про Ангелов не ведать и в первую очередь я бы сказал наиглавнейшую, первостепенную очередь, как и почему с Ангелами случаются такие страшные метаморфозы, и во что они обращаются. Может он и сам был, как говорится, что-то с чем-то. А почему собственно был, – и молодой человек улыбнулся. – Он вечно будет, но видно и вправду раскаялся и всю жизнь подобным себе мозги-то и вправлял, чтобы отка-зались от мести, да покаяться. Вот-вот именно так. Честно признаюсь, я всегда желал быть тем, не кем я являюсь в действительности. Я всегда желал покорять и повелевать всеми и каж-дым, не знаю отчего. Вот ты не поверишь, я забыл почему, но я знаю, что право имею, и если только захочу, никто меня не остановит. Кому-то покажется мои мысли опасными и не нор-мальными. Но что есть, норма? Средне статический гражданин это тупица лишенный вооб-ражения и фантазий проживающий жизнь просто так заодно со всеми на земле. Ни то, что вот какой-нибудь шизофреник, сегодня воображающий себя Христом, а на следующий день Орлеанской девой. А с писателями и поэтами так вообще все ни просто. Вдохновенье ведь очень, непростое слово, я тебе скажу. Бытует мненье, что через писавших говорит Святой Дух! Это конечно не факт, но ясно писатель писателю рознь. Никто не возьмется оспаривать, что у Достоевского не просто слова и книги, у него в первую очередь мысль, которая пронизывает повествование, а потом уже сюжет и прочие! Это люди привыкли все, что не понятно запи-сывать в отклонение от нормы. Но ведь Бог тоже не совсем нормально, Бог вообще не под-падает не под какие нормы! И вообще еще неизвестно если может, государства в обязатель-ном порядке выдавала пациентам в сумасшедших домах ручку с бумагой, у нас давно явился новый Гоголь. Хотя на счет Гоголя, что он был сумасшедшим скорее бредни. Или правильной будет сказать зависть тупиц лишенных воображенья. Гоголь просто порой заболел как все писатели тем более большие. Гений не может быть сумасшедшим, гений просто сходит с ума. От чего спросишь ты? – и молодой человек опустил голову, но в туже минуту поднял, и если кто в этот миг заглянул к нему в глаза, того обдали отчаянье и грусть.

– Может потому что мир вокруг такой перевернутый, что хоть в петлю? Но знаешь, что Виталик, – и Артур взял друга за руку. Вот я знаю, право мое это не количество жалких бюл-летеней в избирательной урне. Здесь что-то поистине грандиозное. Этот Достоевский будь он не ладен хоть и бесспорно великий, словно все свои романы, для таких как я, которые в помине отцов своих не видели, написал, чтобы воспитывать, чтобы привить любовь к людям простить людей за то, что они порой гадкими бывают. Ведь истина люди такие встречаются, что ужас, такая мерзость, что так и хочется взять и голову открутить. А если надо восстановить спра-ведливость, а если это справедливость не на отдельной взятой улице, а вот на всей земле? Это что же выходит всех надо разом головы лишить? А? Не знаю, а может мне все это кажется, мерещится, черт его знает. Одно бесспорно Достоевский ведь всю жизнь только о раскаянье и писал. Развивал мысль так сказать. Намекал, прививал, да подбадривал, что не дрейфь, тебя спасут и укажут верный путь, в крайнем случае, притворись, но откажись от мести и будет тебе награда. Вот и про невесту Раскольниковва вскользь сказал. Ведь, по сути, в каждом его романе Раскольников живет и Соня Мармеладова. Только вот они же после первого так ска-зать явления прогрессируют. Ой, как они в рост пошли, и какие с ними сделались страшные метаморфозы. Не замечал? Но опять же, все герои Достоевского несчастные, да нравственно изуродованные и в большей степени, на преступления идут иза проклятой среды, что раз-вернули негодяи взявшие верх в обществе! Но что есть негодяй? Глубже, в сердцевину, если заглянуть, ведь истина все от несовершенства мира, такового мира, что не стоит его и сохра-нять. Но все же, ты сохрани, пощади ради любви. С ума сойди, а мир не порушь. Раскайся,

и будишь по истине героям! Трусость и раскаянье ведь вещь не совместимая. Остуда выходит не трус Достоевский. И может он на протяжении всей своей жизни желал переделывать мир, но истинно каялся, потому что ему рай показали. Вот и выражение: «Красота спасет мир» то есть та красота, что ассоциируется с любовью. И поверь не просто с любовью плотской или людской, а именно любовью Господней, что Бог каждому всаживает в душу, на самое ее дно! Но в том и беда и горе, что та красота на сам дне, ну раз я набрался сил и выплюнул, срыгнул всю ту гадость проклятой среды, ну во второй ну в третий, а на четвертый.... И вот красота не спасла мир, задохнулась красота под гнетом под прессом мерзости! И про то лучше всех знал Достоевский, вот он всю жизнь и мучился и колдовал, и шифровал, слал послания, словечки свои все ровно как почтовых голубей через столетия новым Достоевским и Гоголям, чтобы были силы отрывивать гадость. А может он того вообще с Ангелами и самим Богом вел переписку. Да держался, да стоял, чтобы только мир устоял! Вы на его глаза посмотрите, ведь это кошмар! Достоевский всю жизнь искал и не истину. Истину он знал, выходит он искал какой-то ключ, к какому-то замку. Вот потому «Преступления и наказания» и все произведения Достоевского сказки для детей. Вот именно детей несчастных и пострадавших от проклятого общества, чтобы они читали эти сказки, и упаси Бог, такого не выдумали, на такое не решились, что всему миру тошно будет. Годы идут, века текут, а несчастных да замученных детей меньше не становится и чтобы они самолично на Судный день не решились им все Достоевского да Гоголя в школе подкладывают. И все бы хорошо, но может тот самый непреклонный мятежный Ангел, что никогда не покорится, и станет тот самый ребенок Достоевского, мысль о котором пронизан роман «Братья Карамазовы», который придет время и спросит с мира и взрослых за сою пролитую слезинку? Пути господни ведь истина неисповедимы. А вот со мной, например, какой парадокс вышел, я прежде все детективами увлекался, – молодой человек улыбнулся. – Развевал авантюрное мышление так сказать! И признаться честно из школьной программы не помнил и не понимал ничего. Да и чему в этих школах только учат?! Вот все, например мной перечисленное, я ни то, что в школах, а не одного критика не прочитал. Это все в романах Достоевского написано, вот если хотите невидимыми необыкновенными чернилами. Поэтому не все и видят. А потом как загорелся сам писать, а еще когда всякие кроссворды да шарады про права и прочее в голову полезли, у меня с чтивом как отрезало, и я на классиков наткнулся. Вот именно, что как на преграду, а может на спасение? Черт его знает, но от корки до корки прямо вместо хлеба и воды, этого Достоевского, да Гоголя черт их побрал бы! – Артур нахмурился. Разволновали они меня идиота! Ненавижу этот роман Достоевского! Понятно, что Мышкин святой, но мне по душе больше Рогожин, вот за его не преклонность. Ведь зарезал сукин сын, любил, а все ровно убил! Мне прежде казалось, что вот, например, стать олимпийским чемпионом по тяжелой атлетике это будет Эверест. Я же прежде, штангой болел. А может я неспроста! А? Ноженьки так сказать в веру их! А вот, что они меня носить станут, когда я за черту пойду спросить как оно так вышло, что мир полон гадости! Ведь истина пути господни..... Что лезет, куда не сет? А потом они охранители! Мне так видеться, бред может, конечно, но представляется, что как я только Достоевского для себя открыл или он меня! Вот с тех самых пор Федор Михайлович прямо ко мне и переехал жить в одну квартиру. Да вот как в Мастере и Маргарите, что мол, гражданин теперь у вас жить станем. И если бы один Достоевский! Так Достоевский у меня коммунальную квартиру устроил, придя ко мне словно под ручку с Гоголем и еще Булгаковым. А может их вообще больше, черт их знает! Может, другие еще не проявились. Ждут своего часа! Но, а озвученные теперь у меня, вот, все равно, как какие три былинных героя богатыря. Помнишь Виталик совсем как на знаменитой картине. Только если силачи земные бились с ратью видимой, а гении писатели, вот как бы с силой незримой и от этого страшней в сто раз любой орды. Безусловно, и Илья Муромец, и Достоевский как бы посланники, у одних в мечях, а у других в словах заложены истины. И оби стихии стоят в дозоре. Те, что в шлемах и латах понятно кого высматривают, а вот кого ждут, дожидая-

ются Достоевский с Гоголем и еще Булгаковым? А ведь это как дважды два. Я ведь этим теперь только и болею. И почему они не только у меня прописались? Вот в этом весь и фокус! Вон их сколько, по всему миру на полках стоит. Это, чтобы может, раз какой-нибудь гражданин запорхал, встал над головами других, но прям как какой падший Ангел, но так еще не окрепший, только как говорится оперившийся, а ему Достоевский своим романом «Преступление и наказание» как даст по голове и все летать перехотелось, – молодой человек хитро прищурился. – Но ведь есть и другие романы- сказочки, где кое-кто такие фокусы закатывает, что любое преступление можно обойти. Ты понимаешь, на кого я намекаю? Ладно, тогда почему, не один Достоевский на книжной полке стоит? Ну, стащили бы оттуда Гоголя и еще Булгакова. Так нельзя. Они, там троя должны стоять. И почему собственно на полке? Они извини меня по улицам, и ходят, и ходят, со своими героями. Это так понятно. Но мне отчего-то их жаль? Они так они видно страдали, что не хватило сил озвучить чего-то главного. Может, так было надо? Ведь истина и рождались и творили они друг за другом в строгой последовательности. И каждый по сути договаривал, что другой не успел. И выходит какой-то не кончаемый разговор, который вдруг если оборвать, то все конец всему. Что-то меня вообще понесло. И вот пока кто-то по-особенному по ним не справит помин, они так на небо и не попадут. Почему? Да потому, мне например, так видится, ведь вся беда в том, что в представлении масс Раскольниковы, Чичиковы, да черт знает какие герои, которых так любил описывать Булгаков, только в романах живут. А ведь это страшное самое может опасное заблуждение. И что самое любопытно, но по-моему, это вышло и не потому что мол масса неграмотна, а потому что гении сами толком не оставили истинных подтверждений существований своих героев. Может, так должно было быть до поры до времени, пока совершенный способ не откроется. Чтобы слить на первый взгляд не сочетаемые стихии. Вот если хотите Достоевского и Гоголя с Булгаковым и такое, что вообще абракадабра и черт знает что и обязательно, что не нарушить традицию великих русских мастеров, где надо открыть, а где надо заколдовать, так, сказать для нового поколения писателей. И это поистине будет, что-то чудесное и необыкновенное. Диво дивное! А пока вот извините все так же как с Христом. Ты в Евангелии вчитайся, да там же сказка сплошная! То прогулки по воде, то превращения камней в хлеб, то разговоры сатаной, то Ангелы. Одним словом бред полнейший. Мне честно за Булгакова обидно. Получается, у Апостола Матвея истина, а у Булгакова сказка! А может быть Булгаков тоже того Апостол? Вот только и может показаться, что Достоевский только истину писал как Раскольников стопором да старушки шел, и сколько шагов прошагал! Но это извините издевательство, а не доказательства. Фактов желаю! Желаю, художественный документ! Чтобы с одной стороны сказка, а с другой уголовное дело, а третьей стороны откровения с Господом. Другими словами хочу, такое, что вроде как было, а вот и не было, потому что всегда было по отдельности, а все сразу желаю. Желаю, хлеба зрелища и душу! Я не желаю более сходить с ума. Но истина, в помешательстве есть что-то даже, я тебе скажу необыкновенное! Сидишь, себе, а потом как.... Но с меня точно хватит! Потому что, когда я начинаю эти невидимые чернила высматривать, со мной приступы начинаются. Замучился! И потом вот мне видится, в этом и есть беда и горя великой русской литературы. Ведь по сути если только вдуматься, русская литература только и занималась, что сказки строчила. Раскольников, вроде как бы и реальность, а кто его видел? Выдумал Федор Михайлович! Выдумал, выдумал, да хоть и не придумал, но так и не показал. И Лермонтов, не показал Печорина, и Гоголь Чичикова и Булгаков Мастера не предьявил, хоть и понятно, что это он сам и есть. Но ведь так же, и не назвался, вот вам и получается сказка. И надо наконец-то доказательства, не опровержимые факты и все и всех своими именами назвать, чтобы сказка наконец-то была принята всерьез. Что ни какая это не сказка, а жизнь человеческая! А то придумали такую штуку как роман, но ведь по сути как оно, было, так осталось сказка. И вот вам, пожалуйста, ведь если только подумать все гении в агонии и в муках умерли. Почему спрашивается, не во сне? Ведь истина во сне умереть здорово! Не знаю почему, но так

мне представляется. Спишь себе, и вот снится тебе какой-нибудь необыкновенный волшебный сон. В том сне берет тебя кто-то за руку, улыбается и говорит: «Что пошли бедолага, дождался! И так вот на небеса, как на каком эскалаторе до своего персонального облака. Да, все же на облако хорошо, все милее, чем у старика Карамазова, где тебя крючьями станут с потолка стаскивать. Желаю во сне и чтобы без крючьев! Ведь истина они старались, такие вещи затрагивали, да не просто трогали, а сдвигали с места, да с такой болью, что у людей глаза открывались, а уходили не во сне. Да, словно не литературой я интересуюсь, а физикой. Кругом одни уравнения, где все неизвестно, а главное непонятно чем все в конце обернется. Да, заболел я раскрыть «Теорему Души». Вот если Пифагоровы штаны во все стороны равны! А с душой как сказать? Пока на ум приходит одно: тиши едешь дальше будешь! И вроде это как, правда? Но что, правда, а что истина? И вот почему они в моем бреде именно втроем засели я еще не разобрался. Просится с языка, что когда не выходит у Гоголя подключается Достоевский и в конце под занавес, Булгаков как говорится контрольным выстрелом истины в лице распятого Ешуа, воскрешает в гражданине человека! Да, да и вроде как логично. Но это так скучно! Лично меня так просто не возьмешь! Эти все приемы я уже разгадал, сам кому хочешь, могу показать. Видно со мной, действительно разворачивается какое-то приключение, потому что мне померещилось, что обыкновенным гражданам знать не положено. Потому что как оно говорится, меньше знаешь, лучше спишь. Вот мне подсказали я сна и лишился. Подсказал наверно черт! А может, кто посерьезней, надо мной фантазером сжалился. Потому что истина говорю, я не желаю быть лжи царем. Нет, конечно, если ничего иного не останется! Ха-ха-ха-ха, – молодой человек рассмеялся. А что прикажешь, когда уже настал такой век что можно туристом сгонять на ужин к звездам. Облететь вокруг матушки земли убедиться, что действительно она круглая и с чувством опустошения вернуться обратно. Ну да, мне лично никогда не хотелось быть космонавтом. А что интересного в том, на что тебя десять лет тренируют как подопытную мышь? Все же известно, невесомость и так далее и тому подобное. Корабли бороздят космическое пространство, а душа как была, так и остается в царстве каких-то особых необыкновенных занавесей. Хоть всколыхнуть бы не говоря уже о том, чтобы распахнуть на весь мир. А что, было бы интересно посмотреть на реакцию граждан. Подходишь так к первому встречному и говоришь: « – Здравствуйте уважаемый, я знаю все про вашу душу» « – Да хватит трепаться, говорят тебе вот ответ. Что можешь знать, чужая душа потемки!» А я вот говорю, что знаю и предъявляю неопровержимое доказательство. Гражданин в шоке! А ты кто спрашивает? А я отвечу, что я писатель! И что истого спросит гражданин, продолжая оставаться в недоумении? А то, отвечу, что я настоящий писатель, а настоящий писатель отличается от всех тем, что он открыл свою душу, а если откроешь свою душу, то и любая другая для тебя становится все равно, что родная. А я о своей душечке пока даже не ведаю, где она у меня расположена в пятках или в области сердца. Это я про то, что пока себя не испытаешь, нечего о себе не узнаешь, а я хочу знать все. Чтобы однажды подойти к первому встречному гражданину и... Но я об этом уже рассказал. Так, что или в цари или спасти мир от самого себя! На меньшие страсти я не согласен. Скучно! А главное мне видется, что в обоих предложенных мной вариантах душа и откроется. И по этому поводу у меня явилась одна мысль, но она вроде как фантастическая, но мне кажется, что это как на нее посмотреть.

Я догадался, открыл. Вот мозги у меня были не запудрены, что в великих трудах гениев есть такая громадная мощь, такое сакральное, что исполняет любую мечту и что самое первостепенное самую заветную. Но мне проклятое почему-то не как не дается. Не заслужил я что ли? Или не достаточно для этого чист как говорится душой и помыслами и прежде надо покаяться? Но ведь я право имею, как мне кажется. И если открыть, если разгадать, это же такая сила невиданная, такая мощь, что все атомные бомбы по сравнению с ней обыкновенная мухобойка. Но чтобы понять, чтобы открыть это надо стать Достоевским и вот она эта фантастика, потому что это как бы невозможно. Сегодня Достоевский, а завтра захочешь быть

Гоголем, а послезавтра идет «среда» не признают в тебя Достоевского с Гоголем, и что тогда Гитлером захочешь стать? А если не наступит четверг, «чистый четверг» что тогда? А тогда вот вам, пожалуйста, является. И является не добрый дядя, а Антихрист – падший Ангел, который начинает мстить и ни потому, что злодей, а потому что его оскорбили, а оскорбили тем, что растеряли истины, которые несли добрые гении, и первостепенное, что сам Христос, а их все в сказочники редели. Ведь, по сути, общество не идиота придает, а Господа в лице юродивого!

И знаешь в чем весь фокус? Игра высшего разума с миром, собственно со всеми нами, что не может, чтобы не захотелось, стереть с лица земли все живое! Вот честно признайся, разве тебе никогда не хотелось, и даже в голову не приходило, но вот, ни разу? А вот приходило, а вот и являлось. Всем приходит, всем является! Должно в этом и заключается, проверка свыше, как тому, кому доверяют священные истины, так и самого человечества! И человечество в первую очередь!

И молодой человек вдруг поменялся в лице. Да и, пожалуй, во всем своем облике, что-то вспыхнула в нем, вот разгорелось, так что он даже сжал кулаки, собираясь сказать следующие слова. И прежде чем разразиться, прямо как кой вулкан перед извержением, затрясся.

– Хватит, все лож, лож, лож! Грязные отговорки человечества! Мы такие бедные, мы такие несчастные, Чингисхан сам прискакал, Наполеон захотел и пожаловал, Гитлер исчадие ада, посланник дьявола. А что-то все помалкивают, что Гитлер на земле родился, что Гитлер в школу ходил, что Гитлера прежде самого на войну послали. И такую войну, которую он не развязывал! А? Гитлера, в окопах газом травили, и Гитлера, идиотом обзывали, когда он свои рисунки в художественную школу таскал. Так ответьте, имел ли он право? Каждый имеет, не у всех духу хватает! А дух, всякий дух на то и дух, что начнет гулять, станет бродить, да как сорвет голову, да как понесет, что только держитесь! Ах, евреи бедные, больше всех их мучили! А может, во мне у самого еврейская кровь бежит! А? Может она вообще после Христа у всех одинаковая стала разливаться? Из чаши то! А? А они Грааль не как не могут найти. О дураки! Да он же вот в каждом. Каждому по капельки! Но как бы там не было, вам евреям Христа земля родила, вам Христос истины принес. И потом вы бедные, вы еще и жалуетесь. Учили бы, просвещали бы, наставляли бы! Русская голгофа значит, должна была случиться, за сказки то, а еврейская не заслужили?! Вы, спрашиваете какие такие сказки? А вот за те самые ревизские! Торговали народом как скотом, а Ленин – Антихрист веру попирает, царя убил! А может он просто приговорил человека Николая Александровича Романова? Истина, что может от того в двойне страшней! Но истина и в том, что Ленин приказал казнить, потому что знал, что, истинного царя убить невозможно, а Николая Александровича Романова, можно, особенно когда тот обозвался царем. Так это или нет, но никто не возьмется оспаривать, что Ленин не гений и поэтому он не мог не различать царя небесного от самозванца. И кто знает а? Кто это видел, может Ленин, однажды стоял на коленях и умывался слезами над образом и просил Чудотворца сотворить чудо, пощадить его брата? Истина что он не мог его не любить, но чуда так и не случилось. Вот он и пошел другим путем! Так имел Ленин право после этого на убийства? Право может и не имел, но видно, что Евангелие как-то по-особому читал, а почему собственно читал? Может ему их открыли, чтобы он покался, а он сбесился и пустился храмы рушить! Потому что такую абракадабру устроили! Это же надо самым страшным грехом царевубийство нарекли! Да истина, убийства Бога в душе! Но не мошенника, который так дрожит за свою шкуру, что на святые слова посягнул и в чем весь ужас не один, а с церковью, которая ему триста лет подпевала! Ах, кто-то скажет, то русские цари самолично во время коронации корону себе на голову одевали, что, мол, мы не причем. Ну-ну! А потом одного в Антихристы рядим, а другого в святые! О, мошенники – чертовы голубчики! Сами закваску творим, сами разводим, сами на котел ставим! Что не истина?! Истина, истина, истина!

Объявил молодой человек и переменялся до неузнаваемости, словно и не было нечего. Виталик был ошеломлен.

Артур загадочно даже как-то престранно улыбнулся.

– Я не очень-то верю в Бога, – сказал Артур, – но как говорил Родя в статейки своей, что закон непременно есть и должен быть; тут не может быть случая. Но не на убийства, не кровь проливать! Кровь проливать никто не имеет право. Я совсем про иное. Гитлер ясное дело злодей и Ленин начудил, и кровь пролилась, море крови, но почему? Ведь истина, потому что явных подтверждений существований Бога нет. Не докажешь и все тут! Вот каждый на свой манер и берется строить новый мир! Скажешь надо просто верить? Ну, верю, а что дальше, а гадость, а мерзость произрастает. Но что ведь самое страшное, вдруг в тебе что-нибудь такое колыхнется, промелькнет, и захочешь сказать слово, тебя обязательно в сумасшедшего начинают рядить. И особенно это знаменитое: «Ты что Бог? Какое такое ты право имеешь, рот закрой!» И прочее и прочее. Вот вам остуда и вражда, причем любая.

Не могу же я, извини меня прийти на Красную Площадь щелкнуть пальцами и каменная мостовая превратится в хлеба! И тогда бы конечно, все раскаялись бы и признали бы, что доигрались. Но ведь Христос родился, не чтобы ходить по воде, не чтобы превращать воду в вино. Но ведь так! Я всегда чувствовал в своем сердце какой-то бурлящий необыкновенный коктейль страсти. Да вот как бы во мне борются две стихии. И черт и Дух Святой вот прямо у меня за спиной, словно какие два крыла, одно черное поганое, а другое вот сотканное из света истины и не хожу я, а вот парю над землей. Даже если это моя фантазия подавай всем доказательств. Или это вот это знаменитое и ужасное: «Смотри, до летаешься мне, я тебе вмиг крылышки то подрежу!» А ведь это тоже страшно! Что выходит мне и мечтать нельзя? Вот до чего мы дожили! Мне кажется, поэтому со мной и приключенья. Потому что не мне, а проклятой среде подавай подтверждений, что я король. А что значит король, а ведь король, значит, есть необыкновенный, да я вот повторяюсь, как вот с отпечатками пальцев. И кто, получается, изводит, кто кого мучает? Но вроде что за напасть, забудь, наплюй и живи себе в удовольствие, а вот это у меня никогда не получалось. Вот знаешь, что мне первое пришло на ум, когда про права стал думать. А вот самое обыкновенное, что каждому приходит, призвать к ответу, спросить, почему так? И вот тут же это и возникает, ах значит не желаете со мной разговаривать, но тогда я вам устрою, я докажу, и вот уже рождается, а на что ты готов чтобы доказать? Я боюсь, что я готов на все, но вот наверно кроме убийства, хотя тоже вот не уверен. Горячий я. Дали бы шашку, да вот разволновали, а потом каяться это, пожалуйста. Это по-казачьи, как бы там не было родился я на Дону. Впитал с донскою водицей казачий дух кающихся грешников. А как Раскольников точно не про меня, это как же надо, столько вымерять грех, просто ужас. Но ведь истина мои «Богатыри» открыли, что есть грех по страшнее убийства. И знаешь, только этим еще больше меня взбудоражили и напрочь лишили покоя. И что самое парадоксальное сами научили и сами придумали способы, миллион вариантов, чтобы в конечном итоге я решился, на то, что подстроила мне судьба, а с ней наверно и черт и Ангелы. Я порой вижу такие необыкновенные сны. Просто какой-то кошмар, какой-то полнейший ужас, что мне мерещится! Еще смотри, в откровения пущусь! Не знаю, не знаю, что-то во мне созревает невероятное!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.